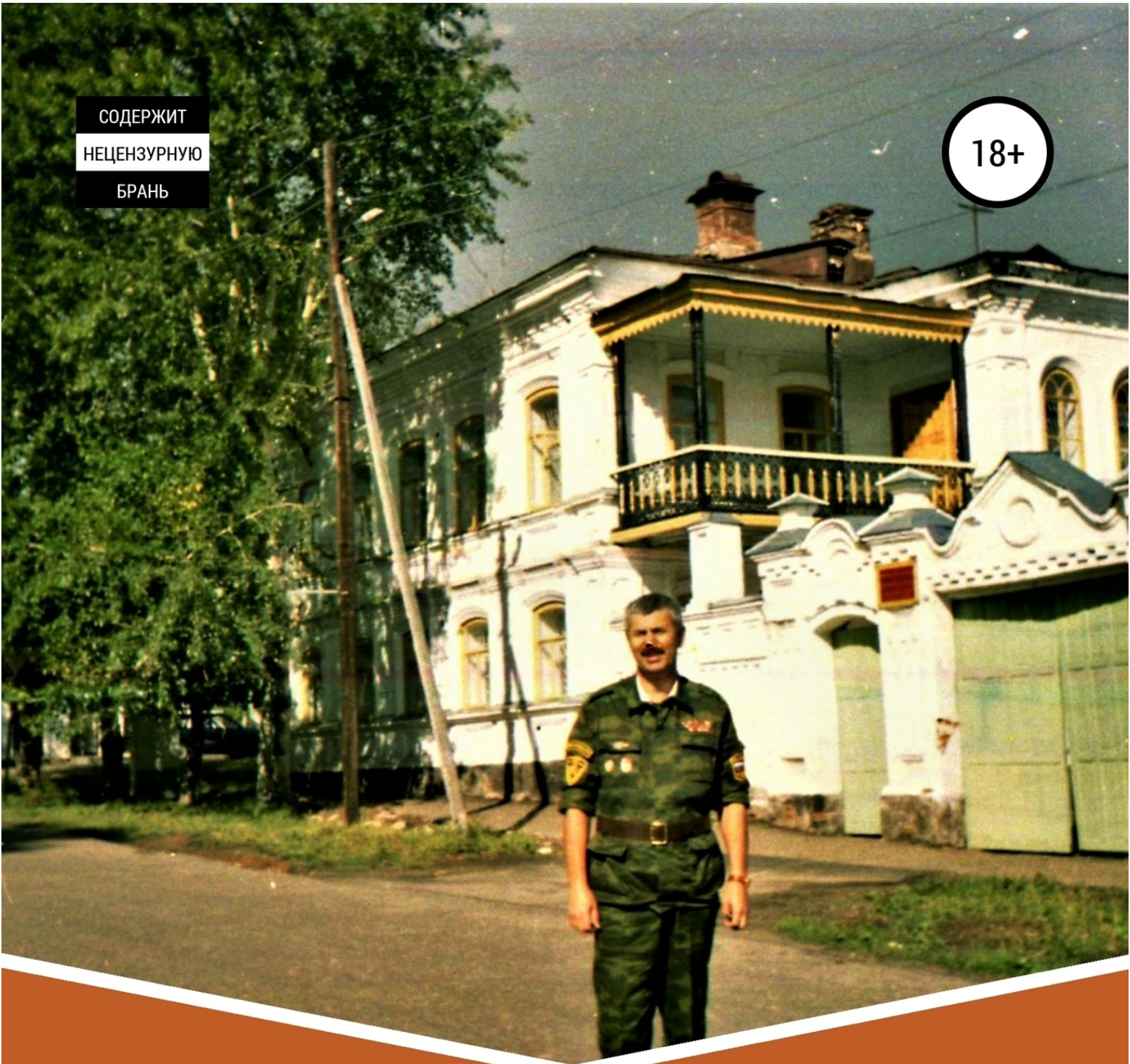

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Цеханович
Командировка

Борис Цеханович

Командировка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Цеханович Б. Г.

Командировка / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сборник рассказов о том, как армия, офицеры и прапорщики выживали в лихие 90-е. Весёлые зарисовки армейских будней разных времён и другие занятные рассказы. Фото на обложке книги из личного архива автора — Чердынский военкомат, давший путёвку многим пацанам в настоящую мужскую жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Из серии «Лихие 90-е»	5
Командировка	5
Кооператив «Калитка»	23
Наезд	33
Разборки	40
Железный Капут	48
Из серии «Армейские будни»	58
Комдив	58
Кооператив Домниц	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Из серии «Лихие 90-е»

Командировка

– Ооо... всё как тётка на автовокзале сказала, – я с удовлетворением смотрел через дорогу на практически конечную цель командировки. Обычное, типичное, двухэтажное здание районного военкомата окрашенного серой охрой, огороженное высоким забором, с зелёными металлическими воротами с непременными красными звездами на них. Правда, вместо двух была только одна, да и то очень покоцанная и побитая. Чем дальше разглядывал здание, тем больше находил в нём признаков не ухоженности и в какой-то степени даже заброшенности. Большая табличка, возвещающая, что данное здание принадлежит Райвоенкомату и Министерству обороны СССР традиционно красного цвета, была вся в трещинах от сильного удара. Да и на серых стенах были видны оспины ударов камней и кирпичей, а также клякс разнообразной формы и расцветки от краски и чернил.

– Да видать военком здесь явно не в почёте или сам по себе не хозяйственный. Хотя, в такой глуши военком после секретаря райкома должен быть либо вторым, либо третьим человеком во властной вертикали. Это, смотря какой характер у офицера. А у этого явно его не хватало. – Я осуждающе покачал головой, неожиданно вспомнив свой, Чердынский военкомат, из которого призывался на срочную службу восемнадцать лет назад. В прошлом году был там в гостях. Тоже двухэтажный, старинный купеческий особняк, чисто побеленный, всё что нужно подкрашено, приколочено, все таблички на месте и смотрелся со стороны как игрушечка.

– Впрочем, чего это я...? Сейчас самое главное, чтобы военком был на месте. Тогда сразу беру военкоматовскую машину, офицера или прапорщика с какого-нибудь отдела старшим машины, да и как представитель от военкомата будет. Смотримся в село, заберём моего сержанта и вечером, вполне возможно, с Кишинёвского аэропорта стартанём с сержантом к себе в Свердловск.

В том, что так и будет и не сомневался. Даже тот момент, что не прошло и трёх часов, как сошёл с поезда на вокзале в Кишинёве и уже был на месте, добавляло в моё настроение хорошую долю оптимизма. Хотя...

Отбросив в сторону сомнения, я решительно перешёл неширокую затенённую густыми деревьями улицу, открыл калитку, тоже зелёного цвета, и вдоль здания, по асфальтовой дорожке, подошёл к невысокому крыльцу и зашёл во внутрь. С яркого, солнечного света, зайдя в полутёмное фойе, остановился и лишь через несколько секунд увидел за длинным деревянным барьером женщину, за спиной которой висела доска с документацией дежурного по военкомату.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – приветливо ответила достаточно привлекательная женщина средних лет.

– Где тут у вас можно отметить командировочное удостоверение? И военком на месте?

– На месте... на месте. Где ещё ему быть, как не в военкомате, – с достаточной долей иронии ответила дежурная и протянула руку, – давайте командировочное, я сейчас его вам отмечу.

Взяв удостоверение, женщина открыла объёмистый журнал, взяла ручку и приготовилась записывать.

– Так, сегодня у нас 2-е июня 1991 года. Капитан Цеханович Борис Геннадьевич, войсковая часть 61931. Это где это? – Дежурная подняла голову.

– Свердловск.

– О... откуда вас занесло. Далековато. А цель прибытия?

– Да уж, действительно далеко. Трое суток поездом... заколебался. Приехал забрать своего сержанта, пару недель тому назад непонятно по какой причине сбежал. Вот и приехал.

Рука женщины прекратила писать и она подняла голову, с любопытством оглядев меня.

– Что – молдаванин?

– Не понял? А... да, сержант – молдаванин. А что?

– Да нет ничего, но сложенькая у вас задача.

– А чего тут сложного. Сейчас с военкомом решу по машине, ещё кого-нибудь представителем от военкомата и к нему домой. За две недели наверно уж добрался до дома.

– Ну... не знаю... не знаю. У нас такие офицеры как вы приезжают, только отмечают здесь и уезжают по добру по здорову. Не всё так просто у нас, как вы думаете. А впрочем, решайте с военкомом, думаю, что он вам ситуацию красиво обрисует.

Дежурная закончила записывать в журнал данные, черкнула в командировочном «Прибыл-убыл», шлёпнула штампика – Дату сами поставите, – и нажала кнопку селектора.

– Евгений Евгеньевич, к вам командированный офицер... С Урала.

– Пусть проходит, – донеслось из селектора.

– Товарищ капитан, по лестнице на второй этаж, направо, потом ещё раз направо и там увидите его кабинет.

В большом и светлом кабинете за столом сидел крупный мужчина в гражданской одежде, явно не лоховатого вида и откровенно скучал. Справа от него на плечиках висел повседневный китель с подполковничьими погонами.

– Товарищ подполковник, капитан Цеханович. Прибыл за военнотружущим самовольно покинувшим расположение воинской части, – представился военному, достал из кармана удостоверение личности с командировочным предписанием и протянул сидевшему за столом.

Тот в свою очередь слегка приподнялся со стула, отрекомендовался подполковником Семёновым, сделал приглашающий жест присесть и взял мои документы. Бегло их просмотрел и поставил подписи под «прибыл-убыл».

– Хорошо товарищ капитан, что хотите от меня?

– Мне нужна машина и представитель от военкомата. Проскочим к месту жительства беглеца, берём сержанта за жабры и обратно. Отсюда в аэропорт я сам его увезу. Вот такой у меня сценарий.

– Мдаааа... – протяжно и задумчиво протянул военком и, слегка повернувшись, надолго уставился в окно.

– Товарищ подполковник, ну так что? – Напомнил я о своём присутствии. Подполковник как бы очнулся от своих дум, посмотрел на меня.

– Товарищ капитан, без обид, но ни машины, ни представителя ты не получишь.

– Почему? – Сделал непонимающее лицо.

– Да и совет ещё дам. Езжай-ка ты отсюда сразу на аэропорт и лети на свой Урал. Лучше дома несколько дней отдохни.

– Товарищ подполковник, не понял? Поясните, а то довольно странно слышать это от военного комиссара. Мне в полку сказали – если я не привезу сержанта, то ни командировочные, ни билеты мне не оплатят. Так что давайте всё-таки окажите мне помощь в задержании беглеца. Как-то мне совсем не климатит вернуться из Молдавии впустую.

Военком на протяжении всей моей тирады рассматривал меня с нездоровым любопытством как некое экзотическое животное в зоопарке.

– Капитан, вы там, в России, читаете хотя бы газеты раз в неделю или нет? Вы, что не видите, что происходит в стране, особенно на национальных окраинах? Какая машина? Какие представители военкомата? Ты видишь я на работе в гражданке сижу... Машину у меня отобрали, из всех работников военкомата я, да тётки из делопроизводства. Вы чего там – не

видите, что ещё немного и Молдавия отпадёт от Советского Союза. Я про другие республики ничего не буду говорить, но здесь скоро румынская власть будет. Я тут, понимаешь, представитель оккупационной власти, а ты говоришь – дай машину на задержание дезертира, да ещё молдаванина. Ну, ты даёшь, капитан. Тут до границы с Румынией 20 километров, да и границы как таковой там уже нет. Езжай, капитан, на свой Урал и балдей, что ты не в Молдавии служишь...

– Так мне что делать тогда, товарищ подполковник? Может в милицию местную пойти? Они-то должны мне помочь...

– Ты чего, капитан, дурак что ли? – Подполковник возмущённо всплеснул руками, – тебе уже пять минут толкую что я и ты – ОККУПАНТЫ. Ты что думаешь, что в местной милиции русские милиционеры служат? Так там одни молдаване местные, которые спят и видят, что Молдавия к Румынии присоединилась. Только этого не хватало, чтобы я потом отписывал в твою часть о тебе как о безвести пропавшем.

– Чего-то вы совсем, товарищ подполковник, краски сгущаете. Ну, может быть, что-то тут и есть, но не до такой степени – чтоб безвести пропасть можно...

– Не понял, капитан? Это я что ли к тебе на Урал приехал или я тут живу? Не смей туда соваться. Мой военкомат видел – Видел. Так у меня ещё более-менее, а в соседнем районе военкомат практически разгромлен, там только военком и остался. Даже бабы разбежались. Сидит майор там и остатки имущества охраняет, чтобы окончательно не растащили. Я весной смог призвать только 5 % плана от призыва. И то только в армию брал русских парней, которые сами приходили. Потому что только через армию они могли смотаться отсюда в Россию и там осесть. Вот так вот.

Я сидел за столом, смотрел на военкоматчика, не зная, что мне делать – то ли действительно последовать совету и сегодня улететь, и побалдеть дома, но тогда точно хрен получу командировочные. Или всё-таки попробовать. Молчал и подполковник Семёнов, глядя на мои колебания. Дав мне достаточное время на обдумывание возникшей проблемы, военком неожиданно предложил: – Капитан, пока ты в размышлениях, давай по винцу долбанём. Заодно и хорошего молдавского вина попробуешь... А? А хочешь я тебе и домой дам вино, чтоб не пустым с Молдавии приехать? – С надеждой спросил Семёнов.

Видно было, что подполковник отчаянно желал общения, а одному пить не хотелось.

– Давайте, – бесшабашно махнул рукой, решив на некоторое время отложить возникшую дилемму. Подполковник оживился, нажал на кнопку селектора: – Аня, у нас есть что-нибудь офицера подкормить. Ну, заодно и закусить.

Из селектора послышалось нейтральное фырканье, которое можно было расценить по-разному: как осуждающее, так и поощрительное. Через несколько минут, уже знакомая мне дежурная Аня занесла на расписном подносе достаточное количество разносолов, явно домашнего приготовления, про вкусно-раздражающий запах которых говорить уже не стоило.

– Ого, неплохо живёте, товарищ подполковник, – у меня вдруг проснулся зверский аппетит. Женщина, поставив поднос на столик, удалилась, а подполковник из стола достал объёмистый графин с вином, насыщенного, красно-вишнёвого цвета.

Военком, разливая вино по стаканам, раскладывая закуску по тарелкам, с видом знатока рассказывал: – Настоящего вина, чтоб вот так сказать – «Ух ты» или «Вот это да»... Здесь, по-честному говоря, редко встретишь. Я не говорю про винодельческие производства, где есть свои многолетние запасы, коллекции. Там да. А так, в основном молдаване гонят вино для себя и на продажу и рецептов здесь море. И надо долго искать, перепробовать много вина, чтобы найти то, которое нужно тебе. Давай, поехали, потом до расскажу...

Мы выпили и военком ревниво спросил: – Ну, как?

Прохладное вино действительно было хорошее и я не поскупился на похвалу, чем здорово потрафил хозяину кабинета.

– ... Вот и я говорю. Прежде чем нашёл вот именно это, пришлось перепить офигенное количество гекалитров дрянного винца. Да, кстати, как тебя зовут? Борис – хорошо. Ну, меня ты уже знаешь. Так вот, пил, пробовал у всех вино и активно срал. Срал дальше, чем видел. Я по началу испугался, думал дизентерию подхватил, но меня знающие люди успокоили. Оказывается, молдаване испокон веков пьют вино, и у них своя микрофлора в желудке и когда сюда приезжает, допустим русский, у которого другая микрофлора – вот тогда в желудке коса на камень и мы начинаем дрить. Если ты несколько дней тут попьёшь винца домашнего, тоже срать будешь. А вот с этого нет. Молдаванин, который мне его поставляет – нормальный мужик, этого вина у него полный подвал. Подружился с ним и вот теперь с вином. Я уж забыл, когда водку пил. А давай ещё по стаканчику...

– ... Ууух, хорошо винцо. Я, Борис, служил в Венгрии, в пехоте и чего-то меня не тянуло там служить до пенсии. Перед заменой созвонился с дядей, он у меня в Москве в больших начальниках тогда ходил и меня по замене направили сюда в военкомат на начальника отдела, с перспективой. Тут как раз военком на пенсию уходил. Приехал – блин, благодатный край. Тепло, солнца море, всего навалом, квартиру дали. Понравилось, слов нет. Особо нравилось, что теперь у меня нормированный рабочий день. В восемнадцать часов сказал сейфу «Смирно», а в девять часов следующего дня «Вольно». Не служба, а малина. И народ – приветливый, но по секрету скажу – Тупооооо... Сами про себя анекдоты насчёт своей тупости рассказывают.

Подполковника со второго стакана повело, скорее всего, он давно уже подсел на это винцо, что было достаточно двух стаканов, чтобы закосеть. Правда, мне тоже стало хорошо...

– ... Вот один, совсем свежий. Вот ответь мне, Борис, – Почему молдаванин из гостей едет в четыре раза медленней, чем в гости?

Семёнов с веселым ожиданием уставился на меня и, видя моё затруднение, предложил тяпнуть ещё по одной.

Выпили, закусили, я скорчил рожу в недоумении и военком весело рассмеялся.

– Ни за что не отгадаешь. В гости он едет на четвертой скорости, а из гостей на задней, – подполковник заразительно рассмеялся и азартно продолжил, – а вот почему, когда молния сверкает – молдаванин улыбается?

Я выпучил глаза готовый рассмеяться над отгадкой и тут же засмеялся, услышав ответ.

– Он думает, что его фотографируют... Или вот ещё – В чём в Молдавии глупость измеряют?

Насладившись моими недоумёнными гримасами, он просветил меня: – В бодюлах... Есть такая местная единица глупости.

Потом снова жизнерадостно рассмеялся: – Это был здесь лет двадцать тому назад такой секретарь коммунистической партии Молдавии. По фамилии Бодюл. Народ смеялся над ним, так вот он на своём последнем съезде партии вышел читать отчётный доклад в джинсовом костюме. Только близкое и давнее знакомство с Брежневым спасло его от разгрома. А вот ещё – А почему в Молдавии не ходят трамваи?

Я смеялся и смеялся над неожиданностью разгадок, а Семёнов в азарте всё продолжал и продолжал...

Потом он стал рассказывать как проходила тут служба, как было сначала, в течение первых пяти лет, отлично. Как стал военкомом и как стал уже подумывать, чтобы на пенсии остаться жить здесь. Но с началом перестройки начались резкие перемены, ветер которых донёсся и до сюда. В основном народ относился к России и к армии нормально. Правда, были всякие и были те, кто считал, что с Румынией им было бы жить легче и число таких во время перестройки стало стремительно расти. Проснулось «национальное самосознание» и националисты стали всё громче и громче «плакать», что Россия их грабит, что если жить без гнёта России и дружить с Румынией, которая чуть ли не их прародина, то жить они будут неизме-

римо богаче и лучше. К обычным, рядовым русским, проживавшим здесь, отношение было нормальное. Местная милиция в подавляющем большинстве была из местных молдаван. А вот военкомат, как представительство оккупационной власти, вот он то и оказался той безответной мишенью, на которой можно было без последствий отыграться. В районном центре только офицеры и прапорщики военкомата, а это всего несколько человек, которых все знали в лицо, носили военную форму. Вот когда настоящее давление на них началось... Стали ходить в гражданке – не помогло. Их оскорбляли, плевали в них, несколько раз били. Хорошо не дошло до увечий... И вот он остался один, все разъехались. Уехала и его жена с детьми в Курск отсюда от греха подальше. Как говорится – «не было бы счастья, так несчастье помогло». Полгода назад в автомобильной катастрофе разбились его родители и ему в наследство досталась трёхкомнатная квартира.

– А так вот, сижу здесь целыми днями. Никуда не хожу, да винцо потягиваю. Думаю, что осталось максимум месяца три и Молдавия отойдёт от Советского Союза. Тогда всё это, – военком осоловевшим взглядом и нетвёрдой рукой обвёл свой кабинет, – передам местным властям и укачу к себе в Курск... Да, слушай, хорошо вспомнил. Таких беглецов, как у тебя, молдавский парламент, там у них парламентская комиссия есть по этому вопросу, она берёт их под свою защиту и выдаёт справки. Так что ты можешь туда метнуться, может к вечеру и успеешь получить...

Мы, вот так уже сидели около часа, подполковник активно прикладывался к стакану, а я старался пропускать, приняв твёрдое решение ехать в Кишинёв, брать справку и в аэропорт. Чёрт с ним с этим сержантом.

Ещё через пятнадцать минут, раскланявшись с военкомом, я вышел на улицу и пошёл в сторону автовокзала. Автобус на Кишинёв был через час и чтобы убить время, пошёл гулять по окрестным улицам и неожиданно для себя оказался перед районной милицией. Подполковник меня практически убедил и я не собирался, даже ехать в деревню к сержанту, но будучи человеком в меру ответственным, так сказать, чтобы опробовать все варианты, решил зайти в милицию и попытаться решить там вопрос. Попытка – не пытка и что они там мне сделают? Так, не особо трезво, рассудил и решительно зашёл в здание милиции. За большим, зарешеченным окном из толстого орг стекла, с надписью «Дежурный по милиции», виднелся громоздкий пульт, просторная комната и сидевшие в непринуждённых позах трое милиционеров. Моё появление прервало весёлый рассказ одного из них на самом интересном месте и милиционер за пультом, с неудовольствием взглянув на меня, что-то раздражённо спросил на молдавском языке. Скорее всего – Что надо?

Я достал удостоверение личности и, показав через стекло раскрытое удостоверение, представился: – Капитан Цеханович, из Вооружённых Сил. К кому я должен подойти по поводу задержания сбежавшего из армии сержанта?

Менты удивлённо переглянулись и не совсем хорошо посмотрели на меня через стекло. Дежурный приосанился и, перейдя на русский язык, с непонятым злорадством попенял мне: – Чего-то вы задержались, товарищ капитан. Мы уж думали, что совсем не приедете. Ваш сержант Чутак неделю, как дома живёт...

Теперь настала моя очередь удивиться, что я не преминул сделать: – Не понял, так вы что знаете Афанасия Чутак?

– Знаем, знаем, капитан. Вся милиция ждёт тебя..., – дежурный потянулся через пульт и нажал кнопку, отчего по всему зданию зазвенели громкие звонки. В коридорах поднялась суета, захлопали двери кабинетов и к дежурке стал стекаться встревоженный тревожными звонками милицейский народ, отеснив меня к стене. Звонки также внезапно затихли и на все взволнованные вопросы, дежурный милиционер громко заявил, показывая на меня пальцем: – Вот, командир Афанасия Чутака приехал... Капитан... Задерживать собрался...

В атмосфере и так мрачного помещения сгустилась напряжённая тишина и я невольно поёжился под взглядами собравшегося, наверно, всего личного состава районной милиции. Обежав глазами, обращённые ко мне лица, я впервые пожалел, что не послушался совета умудрённого военкома не соваться в милицию. Но видя многозначительные взгляды, даже можно было сказать многообещающие взгляды, объединённые пока в одно удивлённое любопытство, типа: – Ничего себе... Не побоялся офицер приехать и прийти к нам...

Перед дежуркой столпилось человек пятнадцать ментов и справедливости ради, нужно было отметить, что глядели на меня по-разному. Кто-то равнодушно – «ну приехал... ну и дурак... Зря приехал». У других, на лицах и в глазах, проскакивало – «Во... дурак... вот это влетел...». Но большинство смотрело агрессивно – «Вот мы тебя, капитан, сейчас и...»

Вот это меня и пугало больше всего, испуг был внутри и как это у меня всегда бывает в минуту опасности, я закаменел: сознание работало чётко и работало на то – как выйти из создавшегося положения и выйти с честью. Не дать им повода или не спровоцировать ситуацию на более экстремальный поворот. Главное вести себя спокойно, быть внешне бесстрастным, не делать резких и лишних движений, но и не показывать виду, что их боюсь.

Толпа, стоявшая передо мной, была разношёрстна: были тут менты в форме, некоторые стояли в гражданке, У окна дежурки проглядывались двое в лейтенантский погонах, но основная масса была сержантская, среди которых и проявились лидеры. Двое сержантов, раздвинув товарищей, вышли вперёд и отпечаток озлобленности на их лицах совсем не понравился мне.

– Ну что, товарищ капитан? – С издёвкой произнёс первый. – Сам пришёл?

– Товарищ сержант, – нейтральным тоном произнёс я, – позовите мне вашего начальника...

Второй сержант с деланным видом протянул: – Ооо... ему начальника подавай. Хорошо, я сейчас его покажу, – и провоцирующе замахнулся рукой. Что-то подобное я предполагал, но всё равно еле удержался, чтобы не дёрнуться, уворачиваясь от предполагаемого удара, но в последний момент траектория кулака также резко изменилась и движение руки остановилось на пышной причёске сержанта – якобы, он поднял руку для поправки причёски. Не дождавшись моего испуганного движения, сержант явно огорчился и озлобился ещё больше, услышав ехидно-сдержанные смешки окружающих, когда я ледяным тоном произнёс.

– Товарищ сержант, ведите себя в рамках положенного. Я вам не друг и не приятель. И мы не в детской песочнице сидим. А если вас причёска беспокоит, то я бы с удовольствием её вам подправил и оставил один лишь чубчик, – сказал и тут же пожалел. Но как говорить – «Слово не воробей – вылетит не поймаешь».

Чёрные и густые брови сержанта полезли вверх: – Ах вон как ты заговорил... Ну что ж теперь я тебя сам подстригать буду. Тут тебе не Россия – тут Молдавия и мы тут хозяева. – Он кому-то мигнул. Я дёрнулся назад, чтобы прикрыть спину, но опоздал. Несколько рук крепко и знающе обхватили, не давая возможности даже дёргаться.

– Сейчас мы тебя, капитан, также тебя отделаем, как и сержанта Чутак у вас били...

– Отставить..., – неожиданно донёсся начальственный голос из глубины коридора, а через несколько секунд проявился и сам обладатель решительного голоса. Это был вальяжный майор в отлично отутюженном мундире, с какими положено нагрудными знаками и излучающий всеми фибрами своей души самодовольство и властность. Такие, как правило, не отдают приказы банально мочить прямо на месте, а наслаждаются самим процессом мочеания, поэтому даже не смотря на то что хватка рук ослабела, я насторожился, не ожидая от появления явно начальника районной милиции ничего хорошего.

– Что тут происходит? – Майор окинул меня быстрым взглядом.

– Да вот, товарищ майор, приехал командир сержанта Чутак и нагло требует от нас помощи в его задержании и отправки к месту службы. И хамит ещё..., вот и решили его поставить на место, – сержант выжидающе замолчал, плотоядно ожидая разрешительно-положи-

тельного решения начальства. Но начальство, лениво полистав моё удостоверение личности, вернуло его мне обратно и вынесло совершенно другой и неожиданный вердикт.

– Ну и чего вы всполошились? Конечно, окажем ему помощь в задержании... Человек с Урала приехал... Добирался наверно суток трое. Почему бы и не помочь в таком деле, тем более официально обратился к нам. Бумагу о помощи будем писать или так... без лишней писанины обойдёмся? – На губах майора зазмеилась дьявольская улыбка

– Или так... лучше, – я положил удостоверение в нагрудный карман и для пущей безопасности даже застегнул его на пуговичку, гадая – Действительно он хочет помочь или же какую-нибудь пакость готовит?

– Нет, лучше бумагу официальную мы сейчас оформим у меня в кабинете, – принял решение начальник, а окружившие нас менты очнувшись от удивления, сдержанно и возмущённо загудели, но не слишком. Видать майор хорошо держал своих подчинённых в кулаке. Но сержант не выдержал и высказался более открыто: – Товарищ майор, я не понял – Это как понимать? Помогать офицеру..., – тут он запнулся, наверно хотел сказать «оккупанту», но быстро нашёлся и ядовито продолжил, – офицеру Советской армии в задержании молдаванина? Объясните...

Майор ухмыльнулся и с плохо прикрытым презрением посмотрел на сержанта: – Цуркан, вы меня разочаровываете своим прямолинейным мышлением, а ещё претендуете на повышение. Надо шире на вещи смотреть, тогда вас ждёт успех. А так, конечно, выделим троих сотрудников в помощь капитану... капитану...

– Цеханович, – подсказал я.

– ... Да, капитану Цеханович. И это будут... Где у нас Богдан, Василий и Влад?

Все оживились и загадочно-весело заулыбались, даже сержант Цуркан с обиженной миной на лице, досадливо зачесался в затылке.

– Отдыхают сегодня, – доложил дежурный по райотделу.

– Ничего страшного. Оповестить их, думаю они с удовольствием примут участие в этом мероприятии, да и очень познавательно, а главное близко познакомятся с капитаном...

Нездоровое оживление, смешки, подколки, быстрые и понимающие взгляды, которыми обменивались менты, весёлое фырканье и злорадное удовлетворение сержанта не нравились мне всё больше и больше. Народ, загадочно перешёптываясь, стал постепенно расплзаться по кабинетам, а я по приглашению майора поднялся в его, шикарно обставленный кабинет.

Мы расположились за огромным столом и под его диктовку я стал писать заявку на оказание помощи в задержании беглеца. Майор бегло прочитал написанное и, наложив положительную резолюцию на заявление, положил бумагу в папку.

– Ну, всё, товарищ капитан. В ваше распоряжение выделены трое сотрудников. Опытные, не сопляки какие-то. Вы давайте езжайте по адресу сержанта Чутак и там вас они и найдут. Вопросы какие-либо есть?

Можно было, конечно, встать и просто уйти, но любопытство и дурная упёртость военного Тельца не позволяли этого: – Товарищ майор, попав к вам в милицию, у меня сложилось впечатление, что это не милиция, а какая-то банда в милицейской форме. Ладно, сержантский состав, можно понять – они от сохи. Но там ведь присутствовали и офицеры и никто не остановил сержантов. Что происходит? Кто у вас тут руководит милицией – Сержант или майор? – Прямо и открыто заявил я, справедливо ожидая на своё заявление негативную реакцию и продолжение искания приключений на свою задницу.

Но майор ни капли не обиделся, лишь широко и лучезарно улыбнулся: – Это хорошо, что это исходило от сержанта, а не от майора – начальника милиции. Это говорит о конце вашей советской власти в Молдавии и о растущем национальном осознании человека, как молдаванина и как гражданина. И это идёт снизу, а не сверху.

– Почему моя советская власть. Это наша власть. И зарплату вы получаете из Москвы и форму носите не американского полицейского.

– Всё это ерунда. Недолго осталось форму эту носить и деньги будем получать из Кишинёва. Осталось недолго ждать. Знаешь капитан, как последние двадцать лет шла здесь русификация? Ого...го. И только в последний год люди всё больше и больше осознают свою причастность именно к своей национальности, а не к мифическому советскому народу. Ещё немного и Молдавия станет самостоятельным государством, где мы сами будем решать свою судьбу. И с братской Румынией у нас будут совершенно другие отношения.

– Занимая должность начальника милиции, вы наверно видите дальше и больше, чем рядовой сержант. Румыния ведь нищая страна и румынский народ там даже в более худшем состоянии живёт. А вы хотите соединиться с ними. – Гнул я свою линию.

– Да, знаю, – легко согласился майор, – но нам от них нужна их нефть и свободный выход через их территорию к Чёрному морю, а они пусть сами свои проблемы решают.

– Ну, я вижу у вас тут всё уже решено. И на все вопросы ответы подготовлены. За счёт советской власти отстроили и подняли республику. Вон у самого ромбик о высшем образовании на мундире синее... Чай наверно не в Кембридже его получил? И районным начальником стал. А если бы не было советской власти – кем был бы? А пахал бы на кукурузном поле и ходил в драных штанах. А чуть поманили вас и вы жопой к русским повернулись. Не хорошоооооо....

Я только кулаком не треснул по столу, а начальник милиции, вольготно откинувшись в удобном кожаном кресле, только веселился.

– МА-ЛА-ДЦА... люблю смелых. Тяжело моим оперативникам будет с тобой. Ладно, посмеялись и хорош. Езжай, капитан, лучше отсюда. Не испытывай судьбу. А так скажу. Для нас Советский Союз тюрьмой был, а мы хотим жить как в Европе. Самостоятельно жить – майор назидательно поднял палец вверх.

Я поднялся из-за стола и несколько секунд с любопытством смотрел на мента: – Хорошо вам тут мозги промыли. Ну, ты то и при новой власти на волне будешь, но чем вы там в Европе торговать будете? У вас же ничего нет? Вы бы лучше у Европы сначала спросили – А нужны ли вы им? Впрочем – будущее покажет....

Я ехал на автобусе и размышлял о будущем Союза. Не такой уж я и слепой, чтобы не видеть, что происходит на национальных окраинах, да и у нас в России. Да что сейчас... Эти разговоры на тему – Что мы спокойно проживём без РСФСР, если отделимся, – были и сам в них участвовал ещё в середине семидесятых. Так уж получилось, что половина артиллерийских училищ располагались на территории Украины – Одесское, Сумское и Хмельницкое. И ещё два в РСФСР – Коломенское и Ленинградское и одно в Грузии – Тбилисское. И соответственно офицеры-артиллеристы в большинстве были хохлами, которые зачастую и были инициаторами таких горячих споров.

– Да мы без Советского Союза только так проживём. У нас уголь, пшеница, сало... Чёрное море, курорты, куда будут русские ехать и нести нам свои деньги в клюве. Да у нас всё есть, чтобы спокойно жить без русских.

Представители других национальных республик и окраин стыдливо молчали и никогда не спорили по этому вопросу, чётко осознавая, что Советский Союз, а это в основном РСФСР, их кормит и полностью содержит. Молчали и прибалты. Но эти были отдельной статьёй и ни для кого не было секретом, что прибалты, всегда и во все времена смотрели в сторону Запада и желали там быть. Поэтому нынешние события в Прибалтике воспринимались не так остро, как по другим республикам.

В принципе, я не долго размышлял над этим вопросом. Хотят отделяться – пусть отделяются. Пусть все отделяются и не лезут к нам. Пусть живут отдельно и самостоятельно решают свои вопросы, а не за счёт русских. Жалко только если белорусы отделятся. Но думаю, что время покажет и дурная пелена вот этого махрового квартирному национализма пройдёт. Они

ещё поклонятся России в ножки и будут ездить к нам на работу, потому что их республики не будут в состоянии обеспечить своё население рабочими местами. (Примерно так я наивно рассуждал, даже не представляя того, что когда этот угар поспешных отделений прошёл. А по простому сказать – предательство русского народа. Все забыли про это предательство и поехали в Россию работать и ещё имели наглость требовать к себе такого же уважения и отношения, как и к россиянам)

До села, где проживал сбежавший подчинённый, я добрался быстро. Сошёл на трассе и пешком прошёл через поле три километра к селу. Довольно быстро нашёл его дом и стремительно ворвался во двор, напугав при этом молоденькую девушку, копошившуюся во дворе по домашним делам.

– Сестра, четырнадцать лет, Клавдия, – промелькнули строчки личного дела сержанта.

– Здравствуйте. Клавдия, а где Афанасий? – С напором спросил, не давая девушке опомниться.

Та совсем растерялась и безропотно сообщила: – Он в соседнем селе с братьями дом строит... – и подробно рассказала, как туда пройти и найти дом.

– А кто вы такой? – Наконец-то удосужилась спросить.

– Да, так ..., знакомый. Надо пару вопросов задать, – уклонился от ответа.

Ждать когда меня найдут молдавские оперативники, не собирался, да и не верил в них. Майор так..., для проформы мне пообещал, а сейчас наверно сидит в кабинете и ехидно хихикает, представляя, как я терпеливо их жду. Главное напор и быстрота действий. Главное его задержать, а уж как, не привлекая внимания местных молдаван доставить задержанного в аэропорт и улететь, буду решать потом.

Быстрым шагом дошёл до трассы, тормознул грузовик и через десять минут езды вылез из кабины и шёл через кукурузное поле к окраине соседнего села. Дом, про который мне рассказала Клавдия, увидел издали. Наверняка и за мной наблюдали давно, потому что Афанасия там не обнаружил, а ко мне подошли три здоровых и угрюмых мужика.

– Здравствуйте, – поздоровался с ними, несколько насторожившись от явной недружелюбности, веявших от них.

– Здорово..., – мужики были явно молчунами и, неприветливо ответив на моё приветствие, многозначительно молчали.

– Я ищу здесь Афанасия Чутак. Вы не видели его здесь?

– А ты кто такой? – Задал вопрос явно самый старший из них.

– Я его командир и приехал забрать его обратно в часть. – Скрывать и юлить не собирался и в свою очередь задал встречный вопрос. – А вы сами кто будете.

Мужики переглянулись и почти одновременно достали из нагрудных карманов милицейские корочки и махнули ими передо мной.

– Аааа... ну понятно. Вы оперативники, которые приданы мне в помощь вашим начальником милиции. Гляди-ка, а я думал ваш начальник меня банально обманул.

– Ага, – чуть веселее кивнули мужики головами и, ухмыляясь, снова переглянулись, потом раскрыли удостоверения и по очереди сунули их мне.

– Старший сержант Чутак Богдан, сержант Чутак Василий и лейтенант Чутак Владлен....

– Чёрт... – я слегка растерялся и мысленно руганул над своей недогадливостью. – У него же трое старших братьев. Как я мог забыть? Однако ж, начальнику милиции Bravo... Bravo... Ну надо ж как изящно и коварно он крутанул эту ситуацию с задержанием сержанта.

– Ну что, командир – Всё ещё хочешь его арестовать и увезти? – Ехидно спросил лейтенант Чутак.

– Я что на идиота похож? Теперь понятно, что этого я сделать не смогу. Но тогда хочу увидеть его и поговорить с ним. Во-первых, я как его командир хочу знать причину его ухода. Во-вторых – пусть он сам скажет мне – Будет он возвращаться со мной или не будет?

Разговор проходил во дворе почти законченного приличного каменного дома, на солнцепёке в довольно напряжённой обстановке. Их было трое и они контролировали ситуацию, а я один и как и куда повернётся разговор, зависело только от меня. Конечно, можно было развернуться и просто уйти и вечером уже лететь обратно в Свердловск. А как быть с командировочными? Девяносто рублей? Ну, не заплатят – ну не такая большая потеря. Хотя, думаю, сумею наверно их из финчасти выщипать. И это был самый простой выход, но не для меня. Во мне активно протестовала моя командирская сущность, задетое самолюбие, вся многолетняя служба в войсках и раз сюда приехал за хрен знает сколько вёрст, то должен это дело проверить по максимуму. Либо я его должен уговорить, либо пойти другим путём, но лететь отсюда с чистой совестью и выполненным заданием. То, что братья не дадут мне его отсюда увезти силой – это было понятно и дураку. Но судя по их виду – мужики нормальные и с ними можно обсудить все возможные варианты.

– А зачем тебе с ним разговаривать? – Заговорил старший сержант Чутак, – мы тебе всё сами расскажем. Над ним там издевались и в последний день он был капитально избит именно за то, что он молдаванин. Раз ты его командир, то вот нам, старшим братьям и объясни – Как это так могло у тебя получиться, что твоего подчинённого мытарят по такому поводу?

– А тут и объяснять нечего. В противотанковой батарее кадра... Наверно, знаете что это такое? Служили я и он. И больше никого. Некому там над ним издеваться, тем более бить его. Солдаты с других подразделений просто к нему не полезут, зная о том, что потом они будут иметь дело со мной. Так что Афанасий врёт. И за пятнадцать минут до того, как он ушёл из части, я с ним разговаривал. Настроение у него было нормальное и никаких синяков или следов драки у него не было. Он что с синяками сюда приехал?

Братья переглянулись.

– Да нет, но он говорит, что его били...

– Хорошо. Всё-таки я хочу с ним поговорить. Где он?

Все трое были явно в неуверенности: приехавший офицер не испугался и не смотался от них, а сам перешёл в наступление, требуя разговора с подчинённым. Видя их колебания, я добавил.

– Ну что вы, мужики? Вас трое, таких здоровяков... Вы что, думаете я при вас начну ему руки крутить? Или вы считаете, что среди кукурузного поля у меня спрятан взвод солдат с БТРами и когда Афанасий выйдет, то сразу его повяжем? Я один и хочу с ним поговорить. Давайте его сюда.

Мужики опять переглянулись и старший из них Владлен повернулся в сторону ближней кукурузы: – Афанасий, Афанасий..., иди сюда.

Высокие, зелёные стебли кукурузы закачались и оттуда неуклюже вылез смущённый Афанасий.

Неуверенным шагом подошёл к нам, остановился, еле слышно прошептал «Здрасте» и упёрся виноватым взглядом в пыль.

– Ни фиги себе. Что, за две недели разучился здороваться? Ну-ка... как положено..... – рявкнул командирским голосом.

Чутак поднял голову и удивлённо уставился на меня, потом перевёл вопрошающий взгляд на братьев, который тоже изумлённо смотрели на меня, оценивая степень моей борзоты. Но молчали. Поэтому Афанасий принял строевую стойку и более внятно доложил: – Здравия желаю, товарищ капитан.

– Ну, вот другое дело. Здорово, – произнёс я уже нормальным человеческим тоном и поздоровался за руку с сержантом.

– Когда добрался сюда?

– Дней семь тому назад приехал сюда.

– Тут мне разные страшилки про твою службу братья твои рассказывают. Так я тоже хочу про них послушать. А то ты, когда сбежал с полка, мне пришлось целое расследование проводить и как оказывается, никто тебя не бил и не трогал. Так вот мне хотелось бы настоящую причину узнать. Только ты глаза не прячь, смотри на меня и чётко доложи.

Пока Афанасий собирался с мыслями, по моему предложению мы перешли в тень дома, где удобно расположились на небольшом штабеле половых досок и тут Афанасий выложил всю правду-матку. Конечно, никто его не бил, никто не тыкал в нос ему его национальность. Просто ещё в учебке ему пришло письмо от друга, который тоже сбежал из армии домой и звал это же сделать и товарища – Мол, ничего ему не смогли сделать и Афанасию ничего не будет. Вот он и дрызнул с полка.

– Даааа..., – я только и развёл руки в стороны, выслушав сержанта, – это что тут получается. Ты приезжаешь сюда. Всем рассказываешь, как тебя били русские, потому что ты молдаванин. И издевались над тобой по той же причине. Льёшь воду на мельницу ярим националистам, нездорово своим враньём, возбуждаешь местное население против русских. Об этом знает чуть не весь район и когда твой командир, нормальный офицер, к которому ты претензий не имеешь, как ты тут только что говорил, приходит в местную милицию за помощью и меня там чуть не грохнули из-за твоего вранья. Хорошо вовремя начальник милиции пришёл. И тот же начальник милиции, чтобы как-то отомстить советскому офицеру за издевательства над сержантом Чутак, даёт ему в помощь трёх братьев бегунца, зная, что за брата они кому угодно голову оторвут. Ты хоть понимаешь, что из-за твоего вранья, я как минимум был бы хорошо избит, с повреждением здоровья или же оказался без вести пропавшим. А проще убит и где-нибудь, как собака, зарыт? И то, что из-за тебя твои братья могли взять грех на душу? Ты это понимаешь? Чё глазёнки в сторону отводишь? Подыми голову и смотри мне в глаза..., – Всё это я говорил требовательно, в повышенном тоне, настойчиво вбивая в подсознание его личную виновность и за враньё и за то, что командир приехал хер знает откуда, ломая его волю к сопротивлению. И если бы здесь не было его братьев, можно было спокойно его брать за ручку и ехать в аэропорт. Даже бы не рыпнулся.

– Да... понимаю... Простите меня, товарищ капитан, – совсем как нашкодивший маленький мальчик протянул Афанасий.

Я только плюнул с досадой: – Что я священник что ли, чтобы прощать? Башкой своей надо думать, а не жопой сбежавшего товарища.

– Ладно, товарищ капитан, без ста грамм здесь не разберёшься, – старший брат Владлен, решительно хлопнул ладонями по коленкам, принимая решение, и поднялся с досок. Вроде бы простенькая фраза, а сразу разрядила обстановку. Я и остальные братья шумно поднялись со своих мест и с готовностью приняли вполне нормальное мужское предложение, когда можно к обоюдному удовлетворению решить все сложные вопросы. Тем более, что я вдруг почувствовал зверский голод и здоровый аппетит. Как-никак, после перекуса у военкома прошло около пяти часов. Меня сначала повели в подвальное помещение под строящимся домом, но я попросил показать дом, так как таких больших и просторных каменных домов в России не видел. Дом меня впечатлил, но ещё больше впечатлил просторный, сводчатый и прохладный подвал в молдавском стиле, где уже на специальных подставках стояли две здоровые деревянные бочки. Правда, ещё пустые. Как оказалось этот дом строили третьему брату Василию. У первых двух дома уже были построены, а через два года будут строить Афанасию. Младшая сестра Клавдия останется жить с родителями. Довольные моим восхищённым впечатлением, братья пригласили меня за массивный дубовый стол, стоявший посередине подвала и уже накрытый обильной и сытной едой. Стройкой они занимались с раннего утра и как раз собирались обедать, когда минут за тридцать передо мной приехали из ментовки и сообщили о вполне возможном моём появлении. Меня ждали, чтобы сначала разобраться со мной и отфутболить обратно, а

потом уже в спокойной обстановке отметить успех. К сытной еде на стол было выставлено и домашнее вино, которое как оказалось было не хуже того, что пил у военкоматчика.

Выпив и утолив первый голод, я объяснил всю ситуацию и всё-таки задал витающий в воздухе вопрос: – Ну, так, мужики, что делать-то будем? Ведь вопрос с повестки дня о сержанте Чутак так и не снят.... Посадить его, моё мнение, вряд ли посадят. Таких как он бегают сейчас по стране тысячи. Да и не до него сейчас наверно будет – сама страна трещит по швам. Но как понял, вы и сами не горите желанием его туда отправлять и думаете, что в ближайшее время вопрос этот сам собой разрешится путём отделения Молдавии от Союза. А если пошумят, пошумят и всё успокоится – ведь тогда доберутся и до дезертира Чутак. Поэтому давайте сейчас будем решать всё по порядку и я готов выслушать вас.

После небольшого, но бурного обсуждения было принято первое решение – Афанасий обратно не возвращается. Вторым предложением братьев было дать мне денег, чтобы восполнить мои финансовые потери. На этом все варианты были исчерпаны и все четверо вопросительно смотрели на меня. Что отвечаю?

– Всё это хорошо. Но я привык выполнять приказы и не хочу, чтобы когда вернусь с этой командировки меня могли укорить...

– То есть, ты всё-таки хочешь его увезти? – Посуровев лицом, полу утвердительно спросил Владлен

– Нет, есть другой вариант и я его хочу попробовать. Мне военком сказал, что в вашем парламенте есть комитет по вот таким беглецам. Вот туда мы с Афанасием завтра и поедem. И там по обстановке.

На этом мы и порешили и уже в спокойной атмосфере продолжили застолье, которое плавно переместилось в дом их родителей, где меня разместили в отдельной комнате. Под вечер довольные выпивкой и общением со мной старшие братья разъехались по домам, а я с Афанасием вышли на улицу села, которое он захотел мне показать. Правда, ознакомительная прогулка быстро закончилась, уткнувшись в бочку с пивом, только что привезённую на сельскую площадь. Здесь уже клубилась приличная толпа мужиков и молодых парней со смаком и неспешным общением, поглощающих хмельной и холодный напиток в тени деревьев.

Встретили нас любопытными взглядами, а когда мы тоже с кружками пива удобно расположились в тени деревьев, вокруг нас сразу образовалась небольшая толпа. Сельчане уже знали, что за Афанасием приехал его командир и теперь с живым, доброжелательным интересом расспрашивали меня – Откуда приехал? Кем служишь? Где раньше служил?

Сразу же нашлось несколько человек, которые служили где-то недалеко от меня или же во время службы были на тех же полигонах. И сразу потекли ностальгические воспоминания кто, когда, где служил и как? Сначала я держался настороженно, опасаясь националистических выпадов или же обвинений в издевательствах над моим сержантом. Ведь наверняка пол села знало историю побега односельчанина из армии оккупантов. Но ни один из общавшихся со мной, ни одним словом или взглядом не выразил своего негатива, как к офицеру, либо к русскому, а в конце общее мнение односельчан было едино – Афанасий дезертир и дурак.

Когда мы шли обратно домой, я резюмировал: – Вот так, Афанасий – село однозначно вынесло тебе вердикт. ДЕЗЕРТИР. Так ты тут и останешься в их сознание – А... это тот дезертир...

.....Прохладный коридор молдавского парламента, где располагался комитет по работе с молодёжью и куда нас направили, встретил многолюдством и очередью. В тупиковом коридоре скопилось человек шестьдесят и это были в подавляющем большинстве солдаты, дезертировавшие из армии, с мамами, ожидавшими решения комитета их судьбы. Я оказался единственным взрослым мужиком среди этой тихо гудящей толпы и сразу же привлёк к себе и к Афанасию любопытные взгляды. Выбрав свободный участок стены, мы прислонились к нему и стали терпеливо ожидать своей очереди, справедливо считая, что это ожидание займёт несколько часов.

Но... повезло. В коридор резво влетел делового и жутко официального вида молодой мужчина, с кучей папок в руке, при виде которого все ожидавшие оживлённо зашевелились и резко придвинулись к нему, отчего он с трудом и видом вершителя судеб продирался через толпу, одновременно кивая и солидно, с авторитетным видом, отвечая на вопросы. Он уже открыл дверь в кабинет, когда его блуждающий взгляд случайно упёрся в меня и он удивлённо присвистнул.

– Ого..., это что-то новенькое. Женщины, давайте мужчине пропустим без очереди.

Толпа разочарованно отхлынула от двери и снова заняла свои места, провожая нас завистливыми взглядами.

Парламентарий бодренько промчался через большой кабинет и удобно расположился в огромном кожаном кресле, за столом заваленным всевозможными бумагами, а мы с Афанасием на жёстких стульях по другую сторону стола.

– На отца вы явно не тянете. Так что, кто вы ему будете – Брат, дядя? – Повелительно направил на меня остро заточенный карандаш.

– Я, капитан Цеханович, и являюсь его командиром. Приехал с Урала, чтобы забрать сбежавшего подчинённого обратно в часть...

– Вон оно как..., – удивлённо протянул чиновник от политики и откинулся на спинку кресла, с зоологическим и одновременно каким-то садистским взглядом, разглядывая сидящего перед ним русского офицера, осмеливавшегося смело прийти на его территорию и так же бесстрашно заявить о желании увезти молдавского парня в Россию.

– Вон оно как... – снова протянул он и яростно ринулся в атаку, вдруг почувствовав себя на высокой трибуне перед многомиллионной аудиторией, словесно препарировав и выворачивая наизнанку всю историю взаимоотношения между Россией и Молдавией. Я сидел и с искренним восхищением слушал свободно льющееся разглагольствование политика, слегка завидуя, как свободно и непринуждённо он оперировал фактами, переворачивая с головы на ноги и также возвращая возводимые конструкции в первоначальное положение.

Афанасий же слушал внимательно и слегка удивлённо, вновь открывавшимся историческим фактам, где даже период османского ига описывался как светлой страницей, когда было больше свободы, чем при советской власти. Дрожащим от собственного умиления голосом, политик вещал о жизни молдавского народа под эгидой Румынии и, вообще сожалея о том, что Молдавия в сороковых годах ушла под руку Москвы, ловко уйдя в сторону об общей нищете румынского народа, вскрывшейся после падения режима Чаушеску. Свалился на уже обкатанную колею обвинений в массовых репрессиях карательных органов и у меня мелькнула мысль, что он жутко сейчас сожалеет об отсутствии в истории его республики массовых переселений, а то он здесь сумел бы всю развернуть.

Вскоре он плотненько сел на объезженного избитого конька и стал привычно клеймить Советскую Армию за ту жуткую систему, которая пережёвывает и ломает судьбы молодых, не имеющих жизненного опыта парней не только Молдавии, но и других национальных окраин, которые скоро сбросят иго советской власти и пойдут к светлому будущему...

Закончил он как-то резко, обличающе ткнув снова в меня карандашом и безапелляционно заявив: – Это вы виноваты в том, что каждый день в каждый район нашей республики приходят цинковые гробы с молдавской молодёжью.

– Классно... – я открыто выразил своё восхищение прозвучавшей речью, ткнув кулаком в плечо Афанасия, – учись, товарищ сержант, ещё чуть-чуть и я бы побежал отсюда громить республиканский военкомат...

Потом повернулся к чиновнику, настороженно наблюдавшему за мной и ожидавшему несколько другой реакции, как минимум – смирению и смущению. А тут капитан откровенно веселился, как будто находился у себя на Урале.

– Уважаемый, если этот молодой человек действительно не искущён жизненным опытом и ему вы запросто запудрите мозги, то вам своей митинговщиной не смутить меня. Эту лапшу и враньё можете вешать, вон там, стоящим в коридоре...

– Почему враньё? – Возмущённо возопил парламентарий, – откройте историю, только не официальную советскую историю, а новые факты, открывшиеся во время перестройки...

– Ладно... ладно... – смело прервал я респектабельного молдаванина, – давайте оставим историю, а вот по цифрам я вам сейчас быстро «бабки забью». Так вы утверждаете, что каждый день в каждый район вам приходят с армии цинковые гробы...!

– Да. – Твёрдо, ни секунды не сомневаясь, произнёс приосанившийся политик и добавил, – я тут не зря сижу и факты и цифры у меня точные.

– Хорошо, – я довольно ухмыльнулся, видя как сидящий напротив, уверенный в своих силах, сам лезет в ловушку, самим же и расставленным, и тут же ехидно подковырнул, – и отказываться потом не будете от своих слов?

– Капитан..., – чиновник азартно постучал по столу ладошкой, принимая мой вызов.

– Хорошо, – я взял со стола большой калькулятор, зависнув пальцем над клавиатурой, – Сколько у вас в Молдавии районов?

Чиновник поднял к потолку глаза и через несколько секунд опустил их: – 32 района.

– Отлично. Тридцать два района умножаем на триста шестьдесят пять дней и получается у нас..., – я ткнул в сторону парламентария калькулятор, – на те... Смотрите. Да в вашей убогой Молдавии столько молодёжи нет. Это с трибуны можно вот так в толпу бросать запросто, не отвечая за свои слова.

Политикан взял калькулятор и с каменным лицом посмотрел на цифру. Потом сам перемножил и получил тот же результат. Зачем-то перевернул электронный прибор и оглядел его обратную сторону и вновь глянул на красовавшуюся цифру на табло.

– Ладно, понимаю. Чего не скажешь в пылу полемики и пойду вам навстречу, – я забрал из его рук калькулятор и снова стал считать, – пусть будет в каждый район один труп в неделю.

Быстро пощёлкал и снова показал результат: – Всё равно не получается... Много. За остальные республики считать не буду..., как вы тут расписывали.

Молдаванин вдруг побагровел и оттолкнул от себя кипу бумаг: – Вот я сейчас пойду и скажу в коридоре матерям, что здесь сидит офицер, собирающийся увезти молдавского парня обратно в армию под суд и приглашу их сюда. Я думаю, что они очень популярно и активно расскажут, как над их сыновьями издевались в армии и как их там били, что они были вынуждены, спасая свою жизнь бежать в Молдавию. – Мужик встал, собираясь выполнить своё намерения, но я его остановил.

– Да не торопитесь так. Вот мой сержант сидит, вот и расспросите его – как его там били и издевались, что он «спасая свою жизнь» бежал в Молдавию. Ну, Афанасий, рассказывай...

Мой оппонент сел обратно, а Чутак помялся немного и с виноватым видом, как бы извиняясь перед молдавским политиком, что говорит вразрез его слов, изложил всю правду своего побега.

– Да вы его запугали и он сейчас что угодно будет говорить, – вспыхнул чиновник.

– Да, если учесть, что три его старших брата действующие молдавские милиционеры и ещё офицеры, – немножко приврал я, – которых тоже пришлось «запугать» и которые доверили советскому офицеру своего младшего брата решать вот эти дела...

А если хотите всё-таки пригласить их сюда, то сначала спросите их – Почему ни один отец не пришёл со своими сыновьями?

Хозяин кабинета молча встал и подошёл к дверям, открыл их и секунд тридцать разглядывал присутствующих в коридоре посетителей. Потом закрыл и спросил: – Ну и что?

– Да ничего. Только отцам, честно отслужившим в Советской армии, просто стыдно за поступок сыновей. Если хотите знать то деревенские жители, вот его, – я кивнул на сержанта

Чутак, – иначе как дезертиром его не называют. А теперь ещё один «гол в ваши ворота». Откройте ещё раз дверь и посмотрите на самих сбежавших, которых «били и унижали» в армии.

Политик вновь молча открыл дверь и ещё раз осмотрел коридор, после чего прошёл обратно за стол.

– Поглядели? 90 % из них здоровее меня. Да я с ними тёмным вечером побоялся бы на узкой дороге столкнуться, а вы били... били... – я кивнул на своего сержанта, – вон Афанасий на полголовы выше меня. А у нас в полку из солдат только танкисты, которые как на подбор маленькие. Так что давайте мне справку, я оставляю вам своего подчинённого и уезжаю. Живите здесь, как хотите.

– Не оставляете, а наш парламент берёт его под свою защиту, – важно произнёс чиновник от политики и из кучи бумаг вытащил готовую болванку справки, с угловым штампом парламента Молдавии, даже с чёткой печатью внизу. Оставалось только вписать фамилию, что я и продиктовал, только попросил вписать дополнительно воинское звание, его должность и из какой воинской части, благо места было полно. И протянул её через стол.

– Довольны? – Вполне миролюбиво спросил он меня, а я с удовольствием прочитал нужную мне текстовку и рассмеялся, разглядывая герб на печати и на угловом штампе.

– Что там такое? – Перегнулся через стол обеспокоенный чиновник, пытаясь заглянуть в бумагу.

– Да корова у вас на гербе какая-то печальная. Наверно чувствует грустное будущее Молдавии...

– Какая корова? – Возмутился парламентарий, – Это тур... Дикий бык, на которых охотились наши предки... Не зная нашей истории, можно невзначай нанести оскорбление.

Всё ещё посмеиваясь, я разглядывал герб и продолжал рассуждать: – Ну, какой это дикий бык? Корова..., с грустными воловьими глазами, хреново поработали ваши художники. А насчёт оскорбления, вы тут в кабинете своём меня раз десять оскорбили, а я ведь «в бутылку» не полез в обиду, хотя лично никаких поводов для этого вам не давал.

– Ладно, ладно... Хорошо. Идите, а то у меня работы полно. Сами видите, сколько в коридоре посетителей, – досадливо выпроводил нас чиновник из кабинета.

Довольные таким быстрым и благополучным исходом нашей общей проблемы, мы вышли на улицу. Я ещё раз внимательно прочитал бумагу и бережно положил её в карман. И если бы со мной были все вещи, то уже сегодня можно лететь домой, но я не думал что вот так всё быстро и удачно крутанёмся.

– Товарищ капитан, хотите я вас свожу на свою старую работу. Всё равно сегодня не полетите, а тут недалеко, – предложил повеселевший Афанасий.

Из личного дела, да и из бесед со своим подчинённым я знал, что Чутак до армии закончил строительное ПТУ и был по профессии каменщиком, но последние полгода работал в реставрационной молодёжной бригаде на реставрации старинного особняка в центре Кишинёва, куда мы пришли через пятнадцать минут ходьбы.

А ещё через полчаса я был предоставлен сам себе. Афанасий остался на стройке и как он меня предупредил, что наверно не вернётся сегодня домой. Поэтому мы тепло расстались и я пошёл гулять по молдавской столице, а заодно в авиа кассе купил билет на завтрашний вечер.

Вечером вернулся в село, где меня уже ждали за столом все трое братьев Афанасия. Успокоил их и показал справку из парламента и обрадованные родственники тут же усадили за прилично накрытый стол, сразу же начав обмытие благополучного окончания всей этой кутерьмы.

– Всё таки, если отбросить все эти политизированные моменты, брат то наш находился между небом и землёй. – Резюмировал старший Владлен, – Дезертир – не дезертир, но и не законно оставил часть... А сейчас хоть опустился на землю и получил определённый статус.

Выпили, разговорились, подробно рассказал как посещал милицию и спросил о нездоровой обстановке в их районной милиции.

– Вон, Богдан, пусть тебе про них расскажет. Он с сержантами общается, – кивнул Владлен на среднего брата, – а про начальника я скажу. Он и при советской власти неплохо жил и при другой власти будет жить. У него родственники в Кишинёве не в хилых кабинетах сидят. Так что скоро он от нас в Кишинёв свалит. У нас в милиции тоже не все за румын и отделение. Офицерский состав в основном нейтральную позицию держит, потому что дальше видит. А сержанты – те думают, что от новой власти они больше получают, вот и рвут глотку, показывая – Кто больший молдаванин. И у вас такая же херня наверняка идёт, так что не удивляйся. Сам же видишь, какое нормальное отношение к тебе у нас в селе. Это там... в Кишинёве и в городах кипит, а в сельской местности работать надо, чтобы хозяйство содержать нормально. Так что вот так...

Посидели мы хорошо, а утром я проснулся около десяти часов утра. Неторопливо привёл себя в порядок, позавтракал и в своей комнате стал собирать дипломат, складывая туда нехитрые дорожные пожитки.

В дверь постучали и, не дожидаясь моего ответа, в комнату заглянула Клавдия: – Можно? – Заходи... – хотел побалагурить с ней, но увидев встревоженное лицо, спросил, – Что случилось?

– Меня только что к соседям позвали... к телефону. Владлен звонил из району и сказал, чтобы вы быстрее уезжали из села. Сюда едут милиционеры, чтобы побить вас...

Вот ни хрена себе. Ещё не хватало заявиться в Свердловск с подбитым глазом, выбитыми зубами и поломанными рёбрами. Поэтому сборы мои тут же и закончились, но на автобус до Кишинёва я всё-таки опоздал и подбежал к остановке, когда зад автобуса уже мелькал в пыли в конце улицы. Следующий должен быть через три часа и надо быть совсем дураком, чтобы в такой ситуации дисциплинированно сидеть на остановке и ждать следующий автобус.

Окраинными улицами вышел в поле и по просёлочной дороге двинулся в сторону трассы, где надеялся словить попутку, но попутка сама меня словила. Из той же улицы, откуда я вышел, вывалил голубой ЗИЛ-130ый с будкой и попылил в мою сторону.

– Товарищ капитан, вы в какую сторону направляетесь? А то может по пути? – Из кабины выглянул молодой парень, которого я мигом узнал. Он был самым активным в осуждении бегства Афанасия из армии, когда мы с кружками пива сидели в тени деревьев.

– Да вот в Кишинёв собрался. Пора домой...

– Так садитесь, я вас до «кольца» довезу, а дальше вы сами уже знаете как, – предложил бывший моряк.

Что ж, это был приемлемый вариант и я охотно забрался в кабину. ЗИЛок поехал прямо по просёлочной дороге и через километр выскочил на дорогу к трассе, а ещё через километр впереди замаячил автобус на Кишинёв, стоявший на обочине, а рядом милицейский УАЗик. Сердце ёкнуло, когда увидел выходящих из автобуса уже знакомых милицейских сержантов, которые отошли в сторону и смотрели на приближающуюся к ним нашу машину. Хоть и было недалеко до них, но солнце светило из-за наших спин и разглядеть, если ли в кабине кроме водителя кто-то ещё, оно не давало. Я тихо сполз вниз по сидению, а водитель странно посмотрев на меня, полувопросительно спросил: – Тебя что ли ищут?

– Угу... бить приехали. Хорошо меня предупредили.

– То-то ж я из окна смотрю и гадаю – Чего он таким путём к трассе из села выбирается? Ладно, капитан, не ссы... прорвёмся, а этих скотов я хорошо знаю. Сам от них дубинкой один раз ни за что получил.

Мне только и оставалось надеяться на бывшего военнослужащего. Я сидел, скорчившись внизу и, только по действиям водителя и по его словам мог отслеживать обстановку. Вот машина резко затормозила и остановилась, судя по всему, за автобусом.

Водитель перегнулся в сторону пассажирского окна и несколько агрессивно заорал: – Чё надо, командир? Не видишь спешу...

– Пустой?

– А чё не видишь, что ли? Ловите что ли кого?

– Ты там этого русского офицера не видел?

– Там... на автобусной остановке межуется... А что случилось-то?

– Ладно... давай езжай...

Через метров двести водитель скомандовал: – Вылезайте, товарищ капитан. В село они попылили. За что хоть?

Я поудобнее устроился на сиденье, помолчал и ответил: – За то что русский и за то что советский офицер... И наверно за то что не испугался их... там в их ней ментовке.

– Скоты, – водитель матерно выругался, – мне их Румыния и на хрен не нужна. И в селе мало кто найдётся, кто этого хочет. Конечно, приезжают разные из Кишинёва сладкие песни поют про сладкую жизнь, если мы отделимся. Про то, как богато жить будем без русских, как советская власть давит нас... А мы так прикинули между собой и выходит, что хорошо жить будут только руководство нашего совхоза, которые вдоволь наворовались, а нам отделение ничего не даст и советская власть нам ничего плохого не сделала.

– Так получается народ против отделения?

Водитель болезненно поморщился: – Так-то оно так в общем, но дёргаться никто не будет. Что примут в Кишинёве то и мы все примем... Лучше... хуже будет – не знаю...

За таким разговором мы доехали до автомобильного кольца, недалеко от окраин Кишинёва. Целый день шатался по городу, а вечером улетел в Свердловск. Привезённой справки было достаточно, чтобы исключить сержанта Чутак из списка части, а мне получить все положенные за командировку деньги. Через два месяца развалился Союз и Молдавия, почувствовав себя равной среди других стран, поплыла в самостоятельное плавание. А через год мне неожиданно пришло письмо от Афанасия Чутак. Сейчас, конечно, дословно сложно вспомнить, но звучало оно примерно таким образом.

Здравия желаю, товарищ капитан!

Накатила на меня тоска и решил написать Вам. Если бы я тогда не сбежал и страна не развалилась, то сейчас был бы Дембелем и готовился к увольнению из Армии, а там, на гражданке, море путей – выбирай какой хочешь и ступай себе. А сейчас я попал в жизненный тупик.

Когда вы уехали, а наш парламент взял меня под свою защиту, то месяца два я жил и работал спокойно. И думал, что так и будет. А тут ГКЧП и наша Молдавия стала самостоятельным государством и уже через месяц мне пришла повестка – явится в комиссию парламента. Я туда пришёл, а там меня огорошили. Раз ты не отслужил свой срок в армии и сбежал оттуда, то ты теперь должен отслужить альтернативную службу в три года на благо Молдавии. И призвали по моей специальности. Каменщиком. У нас тут в результате сильных аномальных дождей смыло в одной местности несколько сёл на другом конце от меня Молдавии. Вот туда меня и послали. Всё бы ничего, но условия в каких я оказался хреновые. Поселили в общежитии, которую жильём трудно назвать. Должен работать, а платят низкую зарплату, из которой 50 % я должен отдавать государству. На оставшиеся деньги при той экономической обстановке, в которой оказалась страна оставшихся денег даже на еду не хватает. Я уж не говорю про одежду. Ободрался до неприличия, а купить не на что. Хорошо семья помогает и периодически ко мне приезжают по очереди братаны и привозят продуктов и одежду. Был бы один, можно было протянуть, но здесь со мной ещё таких десять парней и у нас всё в несколько дней уходит. Хорошо хоть нас не направили на войну с Приднестровьем. Во так и живу. Ещё служить в этих условиях больше двух лет и будущее после службы довольно неясное и мрачное. Тем более, что на войне летом у меня погиб брат – Богдан. И за что? Оба других тоже служат и тоже участвовали в тех событиях. Но уцелели. Ехать на войну они не хотели, но перед ними поставили

вопрос – или едете, или увольняем. Вот и пришлось ехать. Ничего хорошего нам это отделение не принесло и видать уже не принесёт. А пока кончаю писать.

Будет настроение, напишу ещё.

Больше он уже не писал. Сейчас ему 47 лет и мне очень интересно как у него сложилась судьба.

Кооператив «Калитка»

Помыв руки, я не спеша уселся за обеденный стол. Жена стала накрывать к обеду лишь только на нас троих: на нас обоих и младшего сына.

– А что, Денис, обедать не будет?

– Он уже отобедал, – кратко ответила чем-то озабоченная жена.

– А... ну ладно.

Обед прошёл в молчании: я думал о том, как буду пытаться заканчивать обслуживание противотанковой установки, загнанной в ПТО. Жена погрузилась в свои мысли. Лишь младший сын, беззаботно шурудил ложкой, плотоядно косясь на большие, весьма аппетитного вида, котлеты.

От обедов, только прицелился к дивану, чтобы посидеть минут шестьдесят на спине, как мои планы нарушила жена.

– Боря, у Дениса неприятности.

– Что у него случилось? Двояков нахватал? – Я разочарованно уселся в кресло, понимая, что отдых рухнул.

– Нет. Тут всё нормально. Он сегодня подрался и ему поставили под глаз синяк.

– Ну, так ничего страшного. Синяки украшают мужчину... Даже если он драку и проиграл. А в чём всё-таки проблема? Он что-то кому-то сломал? – У меня всё ещё не исчезала надежда на спокойный послеобеденный сон.

– Давай, лучше ты с ним сам поговори. Денис, иди сюда, – позвала жена старшего сына из его комнаты и тотчас ушла, когда он зашёл в большую комнату.

– Ну что ж синяк, как синяк, – прокомментировал я увиденное, когда сын уселся напротив меня в глубокое кресло, – что случилось? Рассказывай.

– Да неприятности, пап. Со шпаной местной подрался, а те стрелку мне на субботу назначили. Обещали, если я не принесу деньги... Приличную сумму, то они меня ножиками попишут.

– Ну, ни фиги себе, – я аж присвистнул от удивления и одновременно возмущённо, – нука, давай рассказывай, да поподробнее.

К концу не радостного повествования я был в тихом бешенстве и готов был прямо немедленно куда-то бежать, кого-то убивать, рвать и уродовать.

В принципе, то что рассказал мне сын в новинку не было. Советский Союз рухнул два года назад и на просторах страны творилась вакханалия и беспредел. Народ, который был помоложе, понаглей и не имел привязки к семье, разбился на банды и бандочки, которые «правили бал» и резвились в городах и весях, ничего не боясь, даже ментов, которые были зачастую в сговоре с бандюганями. Причём, они даже не таились и в нашем славном городе Екатеринбург и ввели некое подобие формы, чтобы было сразу видно кто и к какой банде или группировке принадлежал. Так на улицах криминальная пехота в одном районе щеголяла в определённого вида кепочках, в другом все бандюганы ходили в спортивных штанах, в третьем носили одинаковые курточки и все вместе были обвешаны различной толщины золотыми цепями и перстнями. Они вершили суд и рулили по понятиям. Другая, тоже активная часть народа разбилась на группы, группочки и сообщества, которые объединившись, могли довольно успешно отбиваться от обнаглевших отмороzków и даже локально сами могли перейти в наступление. К счастью офицерский коллектив гарнизонов, в том числе и нашего, сплотился перед такой опасностью и довольно успешно противостоял наскокам. Этому способствовала и то, что в нашем военном городке неплохо поработала рота спецназа, которая у нас располагалась. Так только за два месяца своей чересчур активной деятельности роты, под командованием капитана Алтшульц, наш городок был очищен от мафии, которая успела осесть на нашей терри-

тории. Правда, при этом были капитальные перегибы со стороны роты и его командования по отношению, как к обычным жителям городка, так и к офицерам, но городок был жёстко очищен от уголовщины, в результате чего шесть трупов криминальчиков, образовавшиеся в ходе этого противостояния были повешены на Альтшульца. Нельзя, конечно, весь локальный успех борьбы с беспредельщиками в городке приписать спецназовцам и сами офицеры давали успешно дружный отпор. В отдельных стычках участвовал и я. Как-то вечером мы офицерской компанией сидели у одного из своих сослуживцев, отмечая его день рождения. В самый разгар пирушки вывалили на улицу, чтобы у подъезда перекурить и немного охладиться. В это время на территорию городка заехали две машины бойцов одной из местной группировки, чтобы тряхнуть «нового русского», проживающего в городке. Вот в тот момент, когда они слегка пинали коммерса ногами на земле у подъезда мы и вывалили. Коммерсантов, «новых русских» мы сами не любили, но это была наша территория и особо мы не просто не любили, а ненавидели этих стриженных братков. Разборка была короткой и беспощадной. Через несколько минут мы уходили обратно в квартиру товарища, оставив на земле восемь окровавленных, в бессознательном состоянии тел. Это мы так поступали – военные. А остальной, разобщённый народ, который был в большинстве, смирился и молчаливо терпел этот хаос и беззаконье...

– ... Да завелась около нашей школы шпана. В основном они трясли мелюзгу до восьмого класса: отбирали деньги, заставляли тащить из дома ценные вещи... Ну, и вообще, перцовали среди них. А тут они совсем обнаглели. Посчитали, что это хлопотно вылавливать жертвы по одиночке и решили действовать по другому. Как кончаются уроки, они становились у дверей школы, объявив о создании кооператива «Калитка» и со всех выходящих, естественно кроме взрослых и учителей, брали плату. Все их боялись и безропотно платили дань. Вот представь, папа, они за день набирали больше твоей месячной зарплаты. Действовали они уже несколько дней и получилось так, что я ни разу не попался им. Да и, честно говоря, и не знал про этот «кооператив». А тут с одноклассником Сергеем Афанасьевым, ну отца его ты знаешь... Выходим и напарываемся на них.

Гоните деньги, – говорят нам и объясняют установленные ими правила. Мы с Серёгой послали их подальше и пошли спокойненько домой. Они догнали и снова, но уже с угрозами, потребовали с нас деньги. Мы их опять послали. Естественно, подрались. Вот синяк я и получил. Они старше и сильнее, поэтому хоть мы денег всё равно им не дали, но поле драки осталось за ними. Они сказали, что если завтра в двенадцать часов мы не принесём им по пятьсот рублей, то нам включают счётчик и назначили стрелу на 12 часов дня в субботу около школы. Вот и всё.

Я зло и сильно втянул сквозь крепко сжатые зубы воздух и выдохнул его: – Что хоть это за скоты?

– Да я и не знаю. Видел несколько раз тусующемися вокруг школы. Ни имени, ни фамилии. Им по девятнадцать-двадцать лет. Нигде не работают. Трясут деньги с малышни тем и живут. Живут где то в нашем районе. Всё. – Сын с надеждой смотрел на меня.

– Ладно, не ссы сын. У нас есть время до завтра. Ты сможешь узнать их фамилии и где живут?

– Да, смогу наверно...

– Давай тогда к вечеру надо мне всё это знать. Да, ещё попробуй узнать – Под кем они ходят?

Вторая половина дня прошла у меня под знаком злобно-боевого возбуждения и как только пришёл домой то сразу же спросил сына: – Ну... узнал?

– Да. Но только фамилию и адрес одного.

– Мне хватит. Давай, записываю, – я тут же в коридоре, не раздеваясь, записал данные и присвистнул, – Уууу... да он рядом с городком. Отлично. Завтра я его отрихтую так, что он

забудет, что на часах есть цифра двенадцать и слово суббота тоже. Всё я пошёл к Афанасьеву старшему.

А тот сам собрался идти ко мне.

– Боря, ну и скоты они... Чего будем делать?

Подполковник Афанасьев был преподавателем в артиллерийском училище, был неплохим мужиков, но размеренная и спокойная преподавательская жизнь наложила свой отпечаток. Он был ведомым и даже сейчас не мог ничего путного предложить, поэтому решение ждал от меня.

Я достал бумажку с записанными данными по противнику и помахал ею перед лицом товарища.

– Евгений Николаевич, пошли к «железным братьям» там пивка попьём и обсудим, как завтра будем действовать.

План у меня был следующий: завтра с утра идём вдвоём по означенному адресу. Хорошо тряханём щенка. Попугаем, выбиваем у него адрес второго и также действуем со вторым негодяем.

Подполковник отхлебнул из бутылки пива и огорчённо протянул: – Блин, Боря, я завтра с утра не могу. У меня в первой половине две пары занятий подряд. Может, на вторую половину дня перенесём?

– Не... Евгений Николаевич, у нас есть время разгрузить всё это только до 12 часов дня. Так что надо в первую половину... Попроси, чтобы кто-то провёл вместо тебя.

Но Афанасьев только огорчённо протянул: – Нет... не получится.

Потом встрепенулся с надеждой: – Боря, а если бы ты до обеда эти вопросы решил, а я к тебе после обеда присоединился.

– Да ты что, Евгений Николаевич, после обеда к застолью надо готовиться. Кстати тебя тоже поздравляю с Днём Артиллерии...

– Ой, бляяя..., точно. Завтра же День Артиллерии и после обеда я тогда тоже не могу. У нас тоже в училище торжественное и банкет. Боря, ну что крутанёшься сам? А?

– Да не беспокойся – отдыхай. Я такой злой, что завтра и с пятерыми такими справлюсь, не то что с двумя.

Мы ещё постояли с полчаса, выпили по паре бутылочек «Стрельца» и разошлись.

После утреннего полкового развода все офицеры-артиллеристы собрались в канцелярии командира дивизиона, где в течение двадцати минут быстро обсудили все вопросы по проведению полкового вечера по поводу нашего праздника. Так уж получилось, но меня, капитана Бондаренко и Тетрюмова выбрали для закупки продуктов на праздничный стол. Бондаренко пересчитал деньги, врученные начальником артиллерии, которые мы собирали целую неделю и, положив их в карман, заверил: – Сейчас прямо на оптовый рынок и через два часа ждите нас.

– Погоди, погоди, Серёга, не через два часа, а через три. Мне тут надо рядом с городком заскочить по адресочку и жёстко разобраться кое с кем.

– Что такое, Боря? Если на тебя наезжают, так давай мы тоже присоединимся. Что случилось? – Начальник артиллерии вопросительно смотрел на меня.

– Да тут такое дело... – и за две минуты обрисовал ситуацию. Офицеры оживились, а начальник артиллерии решительно встал из-за стола.

– Боря, поехали. Сейчас мы там устроим Куликовскую битву...

Благодарно улыбнувшись, я остановил офицеров, готовно поднявшихся из-за столов: – Парни, спасибо, но я думаю, что нас троих будет более чем достаточно. А, Олег, Сергей?

– Боря, да никаких проблем. Поехали.

Иной реакции я и не ожидал. Коллектив полка был дружный и сплочённый и не только в военных делах, на полях учений или за столом полковой вечеринки, но и в обычной жизни, когда надо встать и предъявить противнику мощь и силу офицерского коллектива.

Пока мы ехали по известному адресу, вспомнился недавний случай наезда криминальщиков на наших офицеров. Два друга, Андрей и Генка, оба капитана, оба командиры мотострелковых рот, уважаемые и не хилые офицеры, поехали в город на машине Андрюхи по своим делам. Около автовокзала Андрей совершенно случайно подрезал двигавшиеся в попутном направлении автомобили, что и привело к небольшому ДТП. Одна машина, уходя в сторону, лишь слегка притёрлась к деревянному забору, а вот второй, уваливая от столкновения, въехал в фонарный столб, но не катастрофично. У него был разбит правый передний подфарник и ещё пару незначительных повреждений. Пассажиры первой машины, двое мужиков, выскочили, осмотрели почти незаметные царапины на дверцах, обматерили Андрея, сели в машину и уехали. А Андрей направился ко второму автомобилю, вокруг которого крутились два патлатых, высоких парня лет двадцати пяти.

Андрей полностью осознавал свою вину, в кармане были приличные деньги, поэтому решил разругать ситуацию на месте миром. Но подойдя к парням, сразу же получил кулаком в глаз. На этом все мирные переговоры и закончились. Андрюха с Генкой до того растерялись, что вот так запросто, среди бела дня, в городе, офицеру, капитану, командиру мотострелковой роты залепили в глаз, что застыли соляными столбами и немо открывали рот на вопли взбешённых парней. Краткое содержание этих воплей сводилось к тому, что они оба попали..., что они оба влетели на квартиры и если они сейчас оба не рассчитаются прямо здесь на месте, то им будет включен счётчик. Короче, всё закончилось тем, что Андрей и Генка безропотно отдали все деньги, что у них на тот момент были в карманах. Андрей положил в руки пострадавших вдобавок ваучеры, случайно оказавшиеся при нём. А когда те сказали – Мало. Снял с пальца обручальное кольцо и бросил в общую кучу.

– Ну, вот, – довольно ослабились парни, – повезло вам командиры. Езжайте с богом.

... – Боря, – пьяные, расстроенные Андрей и Генка, обойдя все кабинеты, теперь сидели в моей канцелярии и жаловались на сложившуюся дурацкую ситуацию, – ну ладно, мы виноватые и не скрывались, а собирались извиниться..., а тут сразу в рыло. Ну, что за ерунда?

Я быстро налил в кружки водки и сунул их товарищам, Андрюха, Генка машинально намахнули и продолжили: – Боря, отдали двадцать пять тысяч деньгами. Да на эти деньги три, пять, десять подфарников можно купить. Мало. Дали ваучеры – опять мало. Суки, пришлось ещё обручальное кольцо отдать. – Андрюха горестно понурился головой. Подождав немного для приличия, я осторожно спросил.

– Слушай, Андрей, а ты знаешь вообще уличные законы? Не удивляйся на мои слова. Я их тоже не знаю. Но тут случайно услышал от одного авторитета, так уж получилось, что с ним немного знаком, так вот он говорит – что такой синяк, как у тебя, без предьявы, имеет цену сейчас пятьдесят тысяч рублей. Так что ты теперь можешь потребовать с этих недоносков гораздо больше и вернуть ещё своё кольцо.

Андрей с безнадёгой махнул рукой и, взяв бутылку, сам разлил водку: – Да мы так растерялись, что даже номеров не записали. Где их теперь искать?

Прошло пару дней и поздно вечером в дверь моей квартиры зашумно застучали. На пороге стоял запыхавшийся Генка.

– Боря, давай быстрее на центральное КПП. Все наши там собираются. Уроды приехали... – сказанул и умчался вниз. В принципе, мне разжёвывать и не надо было. Мгновенно одевшись, выхватил из-за двери тяжеленный, берёзовый черенок от пожарной лопаты, который стоял на всякий случай за дверью и помчался на центральное КПП городка. Здесь уже было семеро наших, которые тут же ввели меня в курс дела.

– Пришли сейчас к Генке эти чмыри и сказали, что тех денег мало. Давай ещё столько же. Генка извернулся: говорит, сейчас нету, а через тридцать минут на КПП принесёт. Вот и собираемся.

– Не понял, а откуда они Генкин адрес узнали?

– Да он ещё тогда, растерялся и сказал свой адрес.

– Блин, дурак...

Через пять минут появились Андрей и с виноватым видом Генка, которого все разом дружно обругали. А ещё через десять минут подъехали и вымогатели. Держались они уверенно и их совсем не смутил перевес сил.

Ткнули Андрея и Генку пальцем в грудь и сказали: – Значит, так командиры. Денег вы заплатили мало и через три дня оба приносите сюда. На ваше сраное КПП, каждый, по тридцать тысяч рублей. Понятно?

Драться бы дрался, но лезть в первые ряды из-за того, что мои товарищи непростительно растерялись и не ответили несколькими ударами в ответ, не собирался. Но развязный и уверенный тон ублюдков, которые посчитали себя хозяевами города, заставили меня забыть благие намерения и я выскочил вперёд.

– А теперь послушайте вы – уроды. За синяк без предъявы через три дня, сюда, оба приносите по пятьдесят тысяч. Понятно?

– А ты, капитан, чего чирикаешь? Ты тоже хочешь деньги принести? Всё... время когда вы перцовали закончилось, так что сиди и не вякай, не с тобой пока разбираются.

Градус разборок повышался и наглецы почуяв, что им могут сейчас очень качественно настучать по роже, быстро завернули разговор: – Хорошо, всё понятно – не договорились. Ладно, через три дня, в двадцать часов забиваем здесь стрелу. Принесёте деньги – может разойдёмся по миру. Не принесёте – включим счётчик.

Наглецы сели в машину и быстро уехали, а мы остались у ворот КПП, горячо обсуждая сложившуюся ситуацию. Запоздало пожалели, что не записали номера автомобиля, чтобы вычислить – Кто есть кто и кто за ними стоит? После недолгих рассуждений решили: вполне возможно, что на стрелку они приедут кодлой – поэтому, на стрелку идём все вместе. Ещё других офицеров полка подобьём.

Через три дня, в девятнадцать пятьдесят у ворот КПП нас собралось всего человек восемь. Обещали прийти многие, но оказались здесь только мы. Правда, прослышав о разборках, подошло человек десять от 105 полка.

– А вы чего пришли? Это ж нашего полка касается.

– А чего? Сегодня мы вам поможем, завтра вы нам, – что ж в такое время они рассуждали здраво и у нас возникла надежда, что уж с восемнадцатью мужиками беспредельщики побоятся связываться.

Но когда на нескольких машинах подъехали бандюганы и из них вывалили громилы под два метра роста, надежда как-то сама собой утухла. Ребята были крепкие, держались независимо и в драке пожалуй тоже были не детьми. Мы хоть и численно их превышали, в качестве здоровья и силы явно уступали. Надежда ещё была на командира разведроты – Андрюша, как мы его звали. Рост два ноль пять, широченные плечи, ну а если он бил то так получалось, что тело попавшего под удар подбрасывало высоко в воздух, оно немислимо складывалось пополам и летело довольно далеко...

Но Андрюши тоже что-то не было, хотя он твёрдо нас заверил – Буду...

От толпы криминальной пехоты вальяжно отделились инициаторы сего мероприятия и смело направились к нам.

– Ну что, командиры, бабки принесли? – С презрением и бесстрашно бросили нам вопрос парни, чувствуя за собой сильную поддержку.

– А ху-ху не хо-хо...? – Также нагло последовал ответ, чем немало озадачив противную сторону. Они просто были уверены, что увидев такую силу, мы пасанём и если даже мы и не принесли денег, то они нас запросто додают. Но мы были настроены драться при любом раскладе и это выбивало вымогателей из колеи.

Парни загорячились, стали наезжать на нас, пугая дальнейшими разборками и обрисовывая наше мрачное, совсем недалёкое будущее – голые, нищие, без квартир и машин офицеры и такие же нищие и обездоленные члены семей. В обоюдной словесной перепалке были расставлены все точки, прозвучали слова взаимных оскорблений и перед воротами КПП повисла зловещая тишина. Жители городка, которые в этот момент оказались невольными свидетелями «Стрелки», испуганно шмыгали мимо нас, старательно отводя глаза от агрессивно настроенной толпы.

Что ж все слова были сказаны и теперь осталось только драться. Парни обернулись на свою силовую поддержку и те, бросив сигареты на снег, не торопясь, но с угрожающим видом направились в нашу сторону. Впереди пёр бычара: бритая рожа, покрытая устрашающими шрамами. Расстёгнутая на груди дорогая кожаная куртка, а на толстой шее неприменный атрибут – толстенная золотая цепь. Сзади, ухмыляясь и предвкушая разгром офицерни двигались подельники, такие же уроды. Главное, что убивало нас, они ничего не боялись. Раньше, в нормальное советское время если офицера не дай бог где-то, кто-то избил, то делом об избиении занималась не ментовка, а Комитет Государственной Безопасности. И разбирались они быстро и круто. А сейчас государство нас бросило и мы должны были защищаться сами.

Покрепче ухватив черенок от пожарной лопаты, я внутренне собрался и стал выбирать себе противника и выбор был небогат: все были гораздо крупнее и тяжелее меня. Ребята тоже рядом перетасовывались, выводя более сильных в первые ряды.

– Ну, сейчас закрутятся дела..., – со злой лихостью промчалась наверно не только у меня горячая мысль. – И если мы сейчас проиграем драку, тяжеленько нам придётся. Навалиться суки...

Я оглянулся назад и в этот момент увидел Андрюшу, который вывернул из-за ворот и, вытирая губы рукой, при этом что-то дожёвывая, пробрался в первый ряд нашей шеренги.

– Ребята, извините, – виновато закричал командир разведроты, – на ужине в офицерской столовой задержался. А кого тут бить?

Подсказать и показать кого надо бить – никто не успел. Андрюша развернулся и со всей дури ударил кулаком в челюсть главного громилу, стоявшего напротив него и с любопытством смотревшим на казавшегося наивным военного здоровяка. Если бы я попал под этот удар, то одно из двух – либо у меня оторвалась голова, либо моё тело в полёте смело бы сзади стоящих. Но бандит весил килограммов 130 поэтому он мгновенно вырубился и рухнул на руки своих подельников. Все на мгновение оцепенели, а Андрюша как ни в чём не бывало спросил нас: – Этих тоже молотить что ли?

Но молотить никого не пришлось. Бандиты подняли тело своего главаря и молча потащили его к машинам. Неумело загрузили туловище в машину, при это хорошо приложив головой о корпус. Сели сами и уехали, оставив зачинщиков всей этой свары на наше усмотрение.

– Нееее... их бить не буду, – запротестовал Андрюша, – я их ведь просто убью.

Андрюша слегка торкнул тыльной стороной ладони одного из них в лоб и тот послушно завалился на ледяную дорогу.

– Ну, вот видите... Нееее... бейте сами.

Бить мы их не стали: от такой резко поменявшейся ситуации они сильно испугались и были почти в полуобморочном состоянии. Помахав кулаками перед их рожами, дав хороших пендалей под жопу и посоветывав вообще забыть, что в городе есть наш военный городок, дали им возможность уехать.

Пока шли разборки, Олег Тетрюмов списал номер машины, марку и цвет и уже на следующий день мы знали хозяина машины и адрес проживания. А послонявшиеся вокруг этого дома солдаты-разведчики в гражданке выяснили, что это мелкая шпана и за их спинами серьёзной силы нет.

А ещё через день, сняв с машин номера, мы поздно вечером нагрянули на квартиру водителя легковушки. Пара хороших зуботычин и кровь, пущенная из носа, быстро поменяли жизненные приоритеты шестёрки. Размазывая слёзы, сопли и кровь по роже, неудачливый хулиган мгновенно сдал адрес своего подельника, куда тут же умчались группа «захвата». Через пятнадцать минут оба несостоявшихся гангстера стояли на снегу во дворе около легковушки и сильно дрожали: как от холода, так и от страха. Но, конечно, больше от страха.

Сначала были разбиты все стёкла в машине. Царапать и бить корпус мы не стали, но зато в печку и на пол машины химик полка со сладострастием химического профессионала разлил жидкий хлорпикрин. Смысл этого действия был следующий: теперь, зимой на легковушке можно ездить только с открытыми окнами. Если закрыть стёкла или запустить печку, то от испарения паров хлорпикрина можно было и блевануть. Я уж не говорю про сопли, кашель и обильные слёзы. Урок был хороший и больше они не появлялись в поле нашей деятельности.

Примерно такой же сценарий хотел и я проверить с обидчиками моего сына. Пятиэтажка, засранный и ободранный подъезд, обшарпанная дверь квартиры, куда я громко и требовательно постучал кулаком, а потом попинал ногами. Дверь через полминуты несмело открылась и на пороге появился испуганный отец уркагана, из-за плеча которого выглядывала такая же забитая судьбой и безнадёгой мать.

– Здравствуйте, здесь проживает Нестеров Виктор? – Дальше церемониться не стал и, отодвинув в сторону родителей, зашёл в полутёмный и узкий коридор. За мной также решительно зашли и мои товарищи, невольно вытеснив хозяина и хозяйку из квартиры на лестничную площадку.

– А вы кто такие? – Несмело пискнул отец и отодвинулся на всякий пожарный от дверей квартиры на противоположный край и так небольшой лестничной площадки.

– Мы из военкомата? А вы что там стоите, давайте заходите и где ваш сын Виктор?

Поняв, что грабить их не будут и что это действительно настоящие военные и у них дело к сыну, хозяева зашли в квартиру и Олег Тетрюмов закрыл за ними дверь.

– Сын, вон спит... в большой комнате... – отец открыл дверь в комнату и вяло мотнул головой на диван, где спало его «ненаглядное» чадо и с надеждой в голосе спросил, – Что действительно в армию забираете?

– Нет, гражданин, мы пока с ним воспитательную работу проведём, а с вами такую же работу проведёт наш товарищ. Сергей, проводи родителей на кухню и пообщайся там с ними. А мы здесь поработаем.

Когда за Серёгой и родителями плотно закрылась кухонная дверь, мы тоже закрылись и подошли к дивану.

Криминальная скотина спала на продавленном, лоснящемся от долгого употребления диване безмятежно и беззаботно, отчего в глубине меня стала подыматься и рваться наружу вполне понятная ярость и желание действовать быстро и безжалостно. Но я сумел подавить в себе это справедливое чувство мести, так как считал по жизни – «Каждая скотина должна знать и понимать за что её карают». Поэтому, крепко сжав в кулаке край материи, резко сдёрнул такой же грязный и занюханный плед со спящего.

Открывшиеся картина заставила нас с Олегом поморщиться: мы служили в армии много лет и прекрасно знали, что такое казарма. Её запахи, крепкий солдатский дух, но ощутить эти запахи и дух в квартире...

В квартире было жарковато, даже душно, но парень лежал под пледом одетый в грязное, застиранное трико и, судя по запаху, он носил его недели две и столько же наверно не мылся. Об этом также свидетельствовали грязные ноги с длинными и крепкими, загибающимися ногтями на пальцах с чёрными каёмками грязи под ними.

И эта скотина ещё хотела подрезать моего сына!!!!

– Вставай сволочь..., базарить будем... – я с силой ударил сапогом по заднице спящего и тот от удара мигом вскинулся.

– А... Чтоооо? Чего надо? – Надо отдать должное, парень быстро просёк кто к нему пришли и о чём базар будет. Да и не видно было, что он и сильно испугался. Быстро придя в себя, парень под нашими тяжёлыми взглядами прошёл к креслу-качалке и спокойно уселся туда. Подтянул под себя ноги и стал невозмутимо ковыряться пальцем между грязных пальцев ног.

Передёрнувшись от омерзения, я спросил: – Ну и доложи, за что ты моего сына избил? За что он должен денег тебе принести?

– А что я? – То ли парень до сих пор не мог врубиться в какое неприятное положение он попал, то ли, решив – А всё равно отъебо...ат, то хоть понаглею...

– Есть правила, – продолжал бесстрашно гнуть свою линию парень, – и не я их устанавливаю, а жизнь. Сказано плати – значит должен платить. А они нас на три буквы послали... Вот и получили...

Дальше он не смог продолжить. Олег, стоявший до этого спокойно и слушавший разглагольствование недоноска, развернулся и со всей дури ударил говорившего в челюсть. От сильного удара кресло-качалка мигом перевернулось, парень кувыркнувшись через спинку, растянулся вдоль стены, а Олег сделал шаг вперёд и наступил ему на горло сапогом и стал давить его. Парень ухватился руками за сапог и стал активно сопротивляться, пытаясь ослабить давление, но вышедший из себя Олег молча давил и давил. Лицо извивавшегося стало синеть, послышался сдавленный хрип и умоляющие уже меня глаза задыхающегося, уставились на меня.

Я присел и легонько хлопнул рукой по сапогу: – Хватит, он мне пока живым нужен..... чтоб второго достать...

Олег убрал ногу и парень так и остался лежать, растирая горло руками и сипло прокашливаясь, а Олег тяжёлой глыбой навис над ним: – Боря, давай кончай с ним, а потом я им снова займусь...

И тут парень испугался, вдруг поняв, что его вот так запросто военные могут замочить. Прямо здесь, в его квартире. Испугался ещё сильнее, когда я наклонился над ним и сгрёб левой рукой у него на груди спортивную футболку. Приподнял над полом и шипящим от ярости голосом спросил.

– Так это ты хотел моему сыну счётчик включить????? – И изо всей силы врезал ему кулаком в лицо.

– Так это ты хотел его подрезать... – и новый хлёсткий удар обрушил его на пол. Я вновь приподнял не сопротивляющегося парня над полом.

– Я его растил, я его правильно воспитывал, надеялся, что он жить будет и радовать нас с женой будет, а ты его хотел ножичком... – я бил его с остервенением, бил и не жалел. Ну и что, что я сломаю ему челюсть, нос, расплескаю его мозги по полу. Раз эта скотина так жизнь начинает, так и в будущем никакой пользы от него не будет.

Наверно, я бы его всё-таки и убил, но меня вовремя оттащили от него прибежавший на шум Бондаренко и Тетрюмов.

– Ладно, хорошо... Пока ему хватит. Сергей, иди там к родителям, не надо им это видеть. Вставай, скотина, с тобой ещё не закончили.

Парень медленно, опираясь на стенку, поднялся с пола, лицо было разбито всмятку и вдрызг и он уже был сломлен.

– Так, давай говори, где второй проживает? – Тот согласно мотнул головой, но от страха у него перехватило горло, да и Тетрюмов ему не хило там сдавил сапогом, поэтому из его горла вырывались лишь истеричные и сумбурные вскрики.

– Ладно, успокойся... Бери бумагу и пиши адрес.

Парень неровным шагом подошёл к столу и слепо зашарил руками, а случайно наткнувшись рукой на вязальную спицу, вдруг сильно сжал её и тут же получил двойной удар по лицу как от Тетрюмова, так и от меня.

– А ну брось дурить...

– Да это мне случайно в руки попала... – испуганно проблеял парень и, наконец-то взяв в руки ручку, попытался на клочке бумаге написать адрес поделщика. Но руки сильно дрожали, бумага рвалась, протыкалась и только через пару минут он смог накарябать несколько строк – адрес, имя и фамилию пособника.

– Ну, вот видишь, как это просто сдавать своих товарищей, – я удовлетворённо рассматривал записку, – и рядом он здесь проживает. Ладно, сегодня некогда, а завтра мы к нему нагрянем.

– А ты чего не в армии? – Вдруг задал ему вопрос.

– Отсрочка у меня... – бичуган поняв, что сегодня его убивать не будут, поэтому ответил уже более ровным голосом.

– Всё, отсрочка отменяется, – сильно и больно ткнул его кулаком в грудь, – через пару недель, когда сойдут синяки, идёшь в военкомат и просишься в армию. Если в течение месяца не решишь вопрос, то тебя каждый день будут отлавливать мои бойцы и пиз...ть до потери пульса. Ты понял меня? Ну, вот и хорошо.

Плотно закрыв дверь в большую комнату, мы вышли в коридор, куда сразу же вышел и Бондаренко, а за ним родители.

– Как вас зовут, уважаемые?

– Меня Олег Петрович, а жену Татьяна Ивановна.

– Очень приятно. Что ж вы так запустили воспитание сына? Вот сейчас пришлось уж очень сильно втолковывать ему, что служба в армии это Священный долг каждого гражданина. А он что-то свою Родину совсем не любит...? Нехорошо получается. А, Олег Петрович?

Пожилый мужчина как-то смешался и занервничал. Потом справился с собой.

– Да не больно молодёжь сейчас нас родителей слушает. Норовит жить своим умом. Вот и у нас вся надежда на армию. Заберите его в хорошие войска...

Уже в машине Сергей рассказал немного о родителях шпанёнка.

– А что ты хочешь? Он и она рабочие завода РТИ. Обычные работяги, образования нет, зарплата маленькая. Вся жизнь в мелочной борьбе за лишнюю копейку. Если бы не советская власть, фиг бы они имели даже такую квартиру. И чего спрашивается этот балбес будет слушать своих забитых жизнью родителей? Когда кругом рекёт, бандитизм и в любом фильме показывают, как легко можно хапануть кругленькую сумму денег и при этом ни минуты не работать. Так что пока эти хрущёвки для работяг не будут снесены и пока будут такие убогие родители, на которых стыдно равняться – будут и такие ублюдки.

Полковой вечер посвящённый Дню Артиллерии прошёл великолепно, а на следующее утро, выпив для поправки здоровья по паре бутылок ледяного пива мы с подполковником Афанасьевым пошли по другому адресу.

На наш стук, дверь открыла заплаканная мать и сквозь слёзы спросила, запустив нас в коридор: – Кто вы такие? И что случилось с Мишенькой?

– Мы с военкомата, а в чём дело?

– Вчера пришёл к нашему сыну его друг Виктор Нестеров. Весь избитый и говорит моему со смехом: мол, к нему приходили из военкомата... работу воспитательную провели... Готовься, завтра к тебе придут – бьют сильно и больно. Вот мой Мишенька и сбежал из дома... Вы, что тоже бить его будете?

– Лучше надо за сыном смотреть, не знаю как ваше имя... отчество – тогда и бить не будут. Да, мы с военкомата и если ваш сын не пойдёт сейчас в армию, то знайте – он попадёт в большую беду... Так что думайте. Через месяц он должен быть в армии.

Вроде бы воспитательную работу провели нормальную, но всё-таки решили перестраховаться насчёт стрелки. В субботу к двенадцати часам, я и Евгений Николаевич стояли около школьного крыльца. Денис и его друзья, а их собралось человек двадцать, притаились за углом школы. Так на всякий случай. Вдруг охеренная кодла приедет. Да в кустах ещё сидело человек пять солдат с танкового батальона.

В принципе, мы были уверены, что стрелки не будет, но были неприятно удивлены, когда ровно в двенадцать на небольшой пяточок перед школьным крыльцом с улицы вдруг вырулила иномарка битком набитая молодёжью и резко остановилась перед крыльцом.

Озадаченно переглянувшись друг с другом, мы резво рванулись к машине, решив внезапно ошеломить и сломить противника. Подскочив с обеих сторон автомобиля мы мгновенно открыли дверцы и я мигом выдернул из-за руля молодого парня и занёс руку для удара. Евгений Николаевич немного замешкался, но тоже успешно вывалил на замерзшую землю своего противника, но тут холодный воздух прорезал крик моего сына.

– Папа, не бейте их... Это не те...

Я, продолжая держать одной рукой растерянного парня за грудки и не опуская занесшую руку для удара, окинул взглядом также застывшего над поверженным врагом Афанасьева, солдат-танкистов мчавшимся к нам из кустов, выскочивших из-за угла школьников с палками в руках и с недоумением спросил: – Как не те? Ровно двенадцать и начало стрелки.

– Не те, пап, отпусти... это другие, но тоже местные...

– Извини парень, но тебе сегодня здорово повезло, – я поправил на нём одежду и добавил, – езжай отсюда, у нас тут стрелка забита...

Приехавших не надо было уговаривать. Мигом развернувшись, машина исчезла со школьного двора, а прождав ещё минут тридцать и мы ушли по домам. Больше этих парней возле школы не видели. Через месяц, солдаты-разведчики доложили: парни ушли в армию. А после Нового года через свои связи в военкомате узнал: Нестеров Виктор попал служить на Таймыр, а Мишенька Звягинцев в ВМФ на три года.

Наезд

Откинувшись от стола, сладко, с протяжным стоном потянулся всем телом на стуле. Читать уже надоело, а время было только-только двенадцать часов ночи. Я стоял начальником караула, служба шла как положено и мне предстояло как-то «убить» оставшееся ночное время.

Прошёлся вместе с помощником начальника караулам по небольшому помещению караулки и проверил порядок. Вышел на улицу и минут десять прошагал под звёздным небом на караульном двореке, наслаждаясь тёплой и мягкой ночью. Глянул на часы и хмыкнул: всеми этими действиями я сумел «убить» лишь пятнадцать минут. Поразмышляв ещё секунд пятнадцать, решил пройти по парку.

– Схожу-ка и проверю несение службы часовыми. Развеюсь, заодно и прогуляюсь... – и уже через пять минут с караульным был на первом посту в парке. Выставив караульного на временный пост, с часовым прошёлся по открытой стоянке машин и вместе с ним проверил опечатавание автомобилей. Оглядел двери и окна склада КЭС, ПТО (Квартирно-Эксплуатационная Служба и Пункт Технического Обслуживания). Спросил у часового из танкистов обязанности часового, снял с временного поста караульного и направился на второй пост, на границе которого уже маячил второй часовой, дожидаясь начальника караула. Здесь тоже было всё порядке. Особо тщательно проверил боксы танкового батальона. Танки стояли на длительном хранении, заклеенные и обслуженные. Но полгода назад из совхоза в парк повадились лазить неизвестные и целью их были танки. Причём, не сами танки, а жилеты противорадиационной защиты. Надо сказать, что жилеты были красивые, хорошо и добротно сделаны, насколько это можно было сказать про вещь в наше нищее время. Листы тонкой резины, классно обшитые плотной, чёрной тканью с хорошо видимой строчкой, крупная металлическая молния с таким же крупным и модным металлическим замком, всё это гляделось даже очень неплохо и модно. Вот и лезли, разрезали изолирующую ткань, разгерметизировали танки с силикогелем внутри и крали эти жилеты. Много было ругани со стороны начальства, устраивали засады, но всё закончилось довольно печально. В одну из ночей часовой подстрелил нарушителя насмерть. Действовал он правильно и согласно Устава, но тот факт, что убитым оказался четырнадцатилетний совхозный пацан, чуть не свернуло напрочь мозги часовому. После следствия и оценки действий часового, тому дали отпуск с выездом на Родину, что окончательно доконало парня, который и так остро переживал смерть мелкого воришки. Еле сумели солдата вытащить из суицидных настроений.

Лазить перестали, но всё равно боксы танкового батальона всегда проверяли с большей тщательностью, тем более он ко всему сказанному ещё стоял несколько на отшибе – за боксами арт. дивизиона.

Мы, неспешным шагом, приближались к заднему углу бокса дивизиона, как оттуда неслышной тенью выскользнул караульный, взявший пост под временную охрану.

– Товарищ капитан, – горячо зашептал солдат, – явное проникновение на пост нескольких гражданских. Перепрыгнули через тыльные ворота и с канистрами прошли на стоянку машин сапёров. Сейчас там сливают бензин.

– Чего не задержал?

Солдат на секунду замаялся, потом снова зашептал: – Товарищ капитан, их трое и нас трое. Я их специально не окликал, чтобы создать условия явного проникновения на пост и сейчас мы можем с ними что угодно сделать. Давайте в плен их возьмём...

Две минуты наблюдения за проникшими, насторожили меня. Действовали они нагло, особо не скрываясь. Одетые в светлые одежды, хорошо выделялись на фоне тёмных пятен автомобилей.

– Парни, берём их без стрельбы. Стреляем только в крайнем случаи. А так смело действуем прикладом и штык-ножом. Я иду первым и первым ввязываюсь, а вы меня страхуете. Ты незаметно перебираешься к пункту ЕТО (пункт Ежедневного Технического Обслуживания) и там ждёшь моего сигнала, а ты в тени забора рембата подбираешься к стоянке и там тоже ждёшь. Всё вперёд, как там засядете – так пойду я.

Через три минуты я начал действовать, скользнул в тень, пробрался мимо затаившегося часового и через слегка скрипнувшие ворота, обмотанные колючей проволокой, проник на стоянку. Несколько быстрых рывков и, неслышно приблизившись со спины к присевшему перед бензобаком ЗИЛ-131, приставил пистолет к затылку гражданского.

– Тихо... не дёргайся. Руки положи на бензобак... Дёрнешься – грохну... – прошептал в ухо нарушителя и сильно нажал стволом на ложбинку в затылке.

Тот мгновенно втянул голову в плечи, напрягся и выложил руки на бензобак. Остальные его подельники, слегка громыхая канистрами, орудовали в следующем ряду и ничего пока опасного для себя не обнаружили.

Левой рукой обшарил сидевшего и замершего на корточках воруяги. Оружия при нём не было и я слегка расслабился.

– Тихо встаём и не оглядываемся, – сам же отошёл на пару шагов назад, призывно махнув рукой, и через тридцать секунд оба бойца неслышно возникли около меня.

– Вася... – послышался тихий оклик от той части стоянки, – ты набрал бензин?

– Отвечай, только не дури, – я снова приблизился и сильно ткнул пистолетом в спину нарушителя, в районе печени.

– Нееееет... – проблеял задержанный неожиданно знакомым голосом.

– Повернись... – потребовал я и в следующий момент сам раскрыл рот в удивлении. Передо мной стоял командир четвёртой роты капитан Комлев.

Я опустил пистолет, поставив его на предохранитель: – Вася, ты чего здесь делаешь? А там тогда кто? – Кивнул в темноту.

Вася опустил руки и расслабился: – Там наши... майор Мокрицкий и майор Черевашко.

Через несколько секунд, вздрогнув от неожиданного появления нашей толпы, от канистр поднялись и означенные офицеры.

– Отбой, – дал команду солдатам и отправил караульного в караулку, а часового дальше нести службу.

Офицеры: худощавый, невысокого роста, но сильный характером майор Мокринский и здоровяк Черевашко, любитель хорошего и качественного мордобоя, были нормальными офицерами и пользовались заслуженным авторитетом в нашем гарнизоне. С Васей было несколько посложнее. Прибыл к нам в полк после вывода с Афгана два года тому назад. Щуплого росточка, тихий, скромный, вялый, нерешительного характера. Даже удивительно как он в Афгане командовал взводом. Если бы он не был в Афгане, то наверно к нему в полку было бы несколько негативное отношение именно из-за его вот этих черт характера. Но служба в Афгане и наличие нормального офицерского коллектива полка смогли повернуть отношение к капитану в положительную сторону.

– Чего бензин, парни, сливаете? А если бы на часового нарвались и вальнул бы он вас?

– Да ладно тебе, в принципе, командир полка в курсе всего. С бензином завтра с сапёрами разберёмся. Так, мы потащили канистры, а то за воротами такси с бабами ждёт.

– Нее... постойте... Что хоть происходит?

– Вон тебе, Вася, всё расскажет. Вася, давай набирай... Мы ждём тебя.

Мокринский и Черевашко трудолюбиво утащили канистры с бензином, а Вася присел над своей и пока она набиралась рассказал, что произошло. На следующий день я узнал остальные подробности, поэтому полный рассказ приключения сослуживца выглядел следующим образом.

* * *

... Вася был холостяком, поэтому отслужив два года в Афгане сумел заработать и не растратить попусту энную, кругленькую сумму на сберегательной книжке.

Была суббота, в нашем кадрированном полку после обеда уже был выходной день и Вася блаженствовал на диване, читая книжку и одним глазом глядя на экран включенного телевизора. Поэтому звонок в дверь удивил Васю, но ещё больше он удивился, увидев на пороге своей однокомнатной квартиры солдата с красной повязкой патрульного на рукаве.

– Товарищ капитан, – боец чётко взял руку под козырёк и доложил, – вам срочно необходимо прибыть к коменданту городка на центральное КПП.

Вася нерешительно затоптался на пороге квартиры: – А ты, солдат, ничего не попутал?

– Ни как нет, – чётко доложил солдат, – комендант просил – Очень срочно...

– Нууу... хорошо. Сейчас приду.

Капитан в растерянных мыслях и ожидая, что его комендант сейчас засунет во вне очереди патруль, чего Вася категорически не хотел и желал все выходные просидеть дома и тихо отдохнуть. Пытался найти причину, чтобы отказаться, но в глубине души прекрасно понимал, что если капитан Дрёмов его сейчас поставит в наряд – отказаться или тем более послать его подальше он не сможет. Опять же в силу своей слабохарактерности. В таких раздёрганных чувствах и прибыл Комлев на центрального КПП городка, где и располагался также большой кабинет коменданта. Сам Игорь Дрёмов встретил Васю перед дверьми.

О капитане Дрёмове, командире мотострелковой роты нашего полка, нужно сказать отдельно. Высокий, ухоженный, красавчик-мужчина, приятный в общении, рубаха-парень, лёгкий на подъём, при всём этом и хороший офицер был тоже авторитетным человеком в полку. Но при более близком и долгом общении наиболее внимательные люди могли разглядеть в нём нутро тронутое гнильём. Но до настоящего времени никто в полку не мог даже подумать, что Игорь способен на подлость. Время было лихое и эта лихость заворачивалась всё круче и круче. Во множестве появились молодые люди в малиновых пиджаках и в золотых цепях, что было показателем «успешности», бурно процветали рекэт и крышевание. Наезды и «постановки на счётчик» стали обыденным делом. В бытовых отношениях очень модными стали паяльники и утюги, причём в раскалённом состоянии. Деньги за пределами городка клепались быстро и нагло и что самое интересное прямо из воздуха. В городке появились первые «новые военные русские», которые щеголяли всякими приамбасами, недоступными для простых военных, коими было подавляющее количество офицеров и прапорщиков гарнизона. Вот и Дрёмов решил приобщиться и сделать первые свои лихие деньги. Зная слабохарактерность и незащитность Васи, он решил стрясти с него бабки и продумал безопасную комбинацию, используя при этом свою временную должность коменданта городка

– Вася, ну ты и встрял... – Встретил негодующе Дрёмов сослуживца на площадке перед своим кабинетом, – ты хоть башкой своей думаешь?

– Что случилось, Игорь? Я ничего не понимаю... Объясни... – Комлев совсем растерялся от этих непоняток.

– Ну и балбес ты, Вася. Если не можешь трахаться – то не трахайся, – осуждающе произнёс комендант, – там у меня в кабинете сидят две тётки. Они принесли на тебя заяву, что ты их хотел изнасиловать. Вот как теперь тебя из этого говна вытаскивать – даже ума не приложу...

Дрёмов закатил глаза к грязному потолку лестничной площадки и слегка скосил взгляд на Комлева, остолбеневшего от чудовищного обвинения. Потом Вася очнулся и ухватился за Игоря.

– Игорь... Игорь... да я... да никогда... Игорь... это ведь... Какое изнасилование? Игорь, давай помогай... Что за фигня?

Комлев тряс товарища за руки, с надеждой заглядывал тому в глаза и всё больше и больше терял остатки своей мифической решимости. Поняв, что клиент дозрел, Дрёмов встряхнулся

и решительно встряхнул Васю: – Всё... соберись. Может бабы что-то попутали? Или с кем-то? Пошли.

Игорь открыл дверь в кабинет и первым затолкнул Васю. В просторном и светлом кабинете, перед столом, вульгарно развалившись на стульях сидели две размалёванные и здоровенные женщины, лет тридцати и развязно курили. Увидев жертву, они вскинулись со стульев и визгливо заверещали, тыкая в Комлева пальцами с зажатыми в них сигаретами.

– Вот... вот он, товарищ офицер... Это он вчера напал нас поздно вечером и хотел изнасиловать... Арестовывайте его и в милицию, – остервенелым визгом двух фурий, как оказалось ещё и пьяных, Вася был сломлен окончательно и он спрятался за спину надёжного, как он считал товарища и только в нём видел своё спасение.

– Так... тихо... тихо, женщины. Хорош орать – не на базаре, – Гаркнул Дрёмов командирским голосом, заставив сразу же баб заткнуться и сесть обратно на стулья. – Прежде чем возводить напраслину на офицера, вы лучше поглядите на него. Может быть и не он совсем? Товарищ капитан, станьте вот сюда. Смотрите.

Женщины, прищурив глаза, уставились на поникшего Васю и после недолгого разглядывания, твёрдо заявили: – Он, товарищ капитан. Эту наглую, похотливую рожу на всю жизнь запомнили. Так что давайте сюда наше заявление, мы в ментовку сейчас его сдадим. Пусть они дальше с ним разбираются.

Одна из них перегнувшись через стол, начала шариться в бумагах, разыскивая заявление, а вторая, глубоко вдохнув сигаретный дым, выпустила длинную сизую струю и погрозила пальцем: – Сядешь, капитан... И сядешь надолго...

– Молчать! – Рывкнул комендант, – что вы заладили – Ментовка, ментовка... Что по-другому что ли нельзя решить вопрос? Ну, подумаешь по пьяни напал на вас... Ну, не изнасиловал всё-таки... Что так сразу в тюрьму...

И тут, при слове тюрьма, Комлев очнулся. Собрав в кучу остатки воли, кинулся к Дрёмову и заорал: – Игорь, какое изнасилование? Какая пьянь? Ты посмотри на меня и на них. Да я сам поздно вечером их обойду... Да они мне как дали бы, что я до полка летел бы. Чего они городят? Я их первый раз в жизни вижу. Да у меня алиби есть... Я дома вечерами сижу и никуда не хожу...

– Второй... второй раз, офицерик, нас видишь и не отпирайся. Мы тебе покажем, как на честных женщин нападать. На всю жизнь член завяжешь.

– Так, всё – Тихо... – Дрёмов болезненно поморщился, и стукнул ладонью по столешнице – товарищ капитан, стойте на лестнице минут пять. Я вас вызову.

– Куда, капитан? – Заверещали бабы и накинулись на Игоря, – куда вы его отпускаете? Он сейчас же сбежит, а мы даже его фамилию не знаем...

Дрёмов поморщился и снова стукнул ладонью по столу: – Тихо я сказал... Я тут команду пока, а не вы. Всё, иди капитан на лестницу.

Вася вышел из кабинета и вытер пот со лба, который тут же появился крупными горошинами на лице. Да и он сам весь был насквозь мокрый от пота и банального страха. Комлев чуть не завыл от свалившейся на него беды и уже совсем не соображал и всё больше и больше впадал в панику. Острой молнией мелькнула картинка, как он буквально полчаса тому назад безмятежно лежал на диване и читал книжку... Тут же мрачной и чёрной чередой, в замутнённом от страха мозгу, поплыли картинки ближайшего будущего: допросы, ругань начальства, камера в ментовке и камера в СИЗО, где его прессуют по полной программе. Это окончательно добило капитана и он впервые в жизни, подняв голову к давно не беленному потолку, вознёс горячую и страстную молитву к богу: – Боженька... боженькааа... Всё отдам... Всё сделаю, только не в тюрьму... Сделай так, что всё это закончилось, как кошмарный сон...

В таком духе капитан молился несколько минут, может быть он молился и дольше, но скрипнула дверь и на лестничную площадку вышел потный и красный Дрёмов.

Нервно закурил и, помолчав с минуту, нехотя стал говорить: – Короче, Вася. Еле уговорил баб. В ментовку они заявку не понесут. Но взамен требуют, моральное удовлетворение...

Игорь замолчал, потом метнул быстрый взгляд на Комлева и закончил: – Через два часа ты должен им отдать через меня четыре тысячи рублей. Согласен?

Комлев судорожно всхлипнул, почувствовав себя заново родившимся, схватил за руку коменданта и затараторил: – Согласен... согласен, Игорь. Через 2 часа деньги будут у тебя. Я побежал, пока сбербанк открыт.

Счастливый, оттого что всё так закончилось и из его жизни навсегда уйдут эти страшные женщины, способные сломать его жизнь, Вася птицей слетал в банк, снял с книжки деньги и направился в городок. Успокоившись от удачного решения проблемы, Комлев вдруг задумался и его впервые начали терзать смутные подозрения – что здесь не всё чисто и со стороны Дрёмова. А не наезд ли это со стороны Игоря? Был бы Вася мужиком покрепче, можно было бы и послать всех – и Дрёмова, и баб. Да ещё со своей стороны организовать предъяву. Но нет – не хватало духу у Комлева, даже заикнуться о тени подозрений. И чёрт с ними с деньгами... На книжке ещё есть до фига и всё равно он купит машину. Но осадок остался, настроение испортилось и в таком гнусном расположении духа он наткнулся на замполита полка подполковника Андреева.

– Комлев, ты чего такой хмурый? Холостой, иди гуляй, да баб потрахивай, не то что я семейный, да ещё как замполит должен «облико морале» держать. Балдей Вася. Впереди выходной день... – замполит был в прекрасном расположении духа и остановил командира роты немного побалагурить. Хоть он и был политработником, но был нормальным мужиком и офицером, готовым чем мог помочь в любой проблеме, любому офицеру полка. Васю как толкнуло и он мигом выложил свои неприятности подполковнику.

Мигом сориентировавшись в ситуации в правильном направлении, Андреев почернел лицом от гнева и заскрипел зубами: – Ну, Дрёмов, ну сука. Ожидал я от него какой-нибудь дряни, но вот такой наглости... Хорошо. Ты сейчас иди домой, деньги никому не отдавай. Сейчас я тебе пришлю подмогу и мигом разрулю эту ситуацию. Всё иди.

Вася так и поступил, запёрся дома и стал ждать дальнейшего развития событий. А они стали развиваться стремительно. Андреев сразу же метнулся в полк, где ещё находился командир полка и изложил тому щекотливую ситуацию. Командир был у нас крутой и решительный мужик и о его реальной крутости знали не только в гарнизоне, но всякая шлоебень, шуршавшая вокруг городка. И мало кто хотел связываться или встретиться с ним на узкой дорожке.

Уже через пять минут он ставил задачу майорам Мокринскому и Черевашко: – Я сам бы вмешался в эту ситуацию, но вызывает командир дивизии. Поэтому, идёте сейчас к Дрёмову и пусть заворачивает свой базар обратно. Если в течение часа проблема не разрешится – то он и его подстилки будут иметь дело уже со мной. Если начнёт дёргаться – действуйте жёстко и по обстановке. Все последствия беру на себя. Васю берёте под личную охрану, пока не решится вопрос. Задача понятна?

Мокринский и Черевашко переглянулись, блеснув глазами в удовлетворении от предстоящего развлечения, и хором ответили: – Так точно.

В это время Вася сидел в квартире, терзаемый сомнениями и уже переживал, что обо всё рассказал замполиту.

– Лучше бы отдал деньги Дрёмову и заткнул бабам рот и сейчас сидел бы спокойно. А так... Ну, вот как можно повлиять на Дрёмова...? Да он сам кого угодно в бараний рог загнёт... Да ещё подумает, что я его кинул... А эти сумасшедшие бабы... Вот как? Блин... зря я всё-таки с замполитом связался... Ну, что он может...?

В таком раздражённом состоянии он обречённо встретил звонок в дверь: – Ну, вот и Дрёмов пришёл. Придётся отдавать деньги.

Но в дверях возвышались Мокринский и Черевашко.

– Здорово, Вася. На подмогу пришли, – Комлев посторонился и сослуживцы ввалились в квартиру. Сняли в прихожей обувь и по-хозяйски прошли в комнату, – у тебя хоть выпить есть?

– Есть, есть, ребята, – обрадованный подмоге, Вася засуетился, выставил на стол початую бутылку водки и немудрящую закуску.

Скептически осмотрев стол, Мокринский и Черевашко подняли рюмки: – Чего ты, Вася, хиловато стол накрыл. Ну, да ладно. Для начала пойдёт, а тут скоро поднесут. Давай, выпьем. Проблему мы решили. Так что живи спокойно.

Комлев выпил вместе с ними, не зная как себя вести – то ли радоваться, то ли печалиться. То ли верить ещё и им? А где правда? Где подтверждение того, что проблемы действительно решены? Деньги то – вот они, в кармане...

Неспешно перекурили и выпили ещё по одной. Гости явно чего-то ожидали, хмурились, переглядывались между собой и перекидывались короткими фразами, типа: – Чего-то долго... Не пора ли им и появиться... Облома не должно быть... А то мало им не покажется...

Вася маялся от неопределённости и опаской поглядывал на пустеющую бутылку. Дверной звонок, прозвучавший громко и дерзко, разрядил обстановку. Мокринский и Черевашко оживились и пошли открывать дверь, оставив хозяина в комнате, а через несколько секунд из прихожей донеслось: – Вася иди сюда. К тебе пришли.

На полутёмной лестничной площадке стояли давешние бабы, державшие в руках огромную корзину, набитую импортными продуктами и алкоголем. Увидев Васю, мрачное выражение их лиц сразу же преобразилось и они засияли фальшивой радостью. Протянув не хилую корзину Комлеву, они чуть ли не хором «запели» сладкими голосами.

– Товарищ капитан, извините нас пожалуйста. Тёмно было и мы ошиблись. Это были не вы. Простите нас и примите в знак примирения подарок.

Ошеломлённый Вася, машинально принял корзину, в которой сразу же начал рыться Мокринский и через секунду возмутился: – Я не понял, а где коньяк «Наполеон», который я заказывал? Неее... Вася, мы извинения не принимаем и сейчас опять придём к коменданту дальше базарить. Ну и с вами соответственно...

Испуганные тётки отодвинулись от дверей в глубину площадки и сбивчиво затараторили: – Ребята... ребята... сейчас принесём. Сейчас через полчаса. Ни куда идти вам не надо...

– Ну, хорошо. Время пошло. – Дверь перед тётками закрылась, а Вася по команде друзей побежал накрывать стол принесёнными дарами.

Через десять минут они уже дегустировали забугорное питьё и с удовольствием закусывали голландской колбасой и другими вкусными вещами, а захмелевший Вася наконец то успокоенный, завалил их вопросами – Каааак?

Выпив ещё, Черевашко веско закрыл эту тему: – Вася, тебе какая разница – Как? Нам поставили задачу, мы подошли к ней творчески. Ты извинения получил, в том числе и в материальном виде. А остальное пусть тебя не колышет...

* * *

– Вот теперь и не знаю, на какие деньги мы пьём. Мы вчера посидели у меня дома. Да, коньяк «Наполеон» принесли – хорошая вещь, а вечером поехали в ресторан. Тут платил я... В знак благодарности. Сняли баб и на меня тоже. Поехали к ним домой. Парни оттянулись нормально, а я как вспомню, про это изнасилование, так у меня всё и падает. Сегодня вечером опять в ресторан поехали. Платили вскладчину, опять сняли баб, да вот у такси бензина нету – пришлось в парк завернуть и слить. Честно сказать, мне всё это уже надоело, но неудобно от компании отделяться. Всё-таки они мне помогли. Ладно, я пошёл, – Вася закрыл горловину, взял в руку канистру и потащился к воротам, откуда уж минуту как звали его сослуживцы.

Дрёмов появился в полку через неделю в больших чёрных очках, но и они не могли скрыть солидного синяка в пол лица. Книжная полка дома сорвалась и мне здоровенной энциклопедией в глаз досталось – было его объяснение. О происшедшем с Комлевым в полку знали

лишь несколько человек и те, в том числе и я, молчали. Капитан извлёк из этого хороший урок, но наверно не до конца проникся им. Притихнув на полгода, он вновь попытался повернуть денежное дело, но был словлен сослуживцами за руку. Было бурное офицерское собрание с определением дальнейшей его судьбы. Голосовали даже за такой вариант – за поруху офицерской чести выдать пистолет с одним патроном. Но разум возобладал и офицеры проголосовали за увольнение его из армии.

Прошло ещё полгода, Союз стремительно развалился и Вася, собрав свои шмотки уехал служить на Неньку Украину, во Львов, откуда он был родом. Что бы мы ему не говорили, приводя разные доводы в том числе и такой – Вася, ты же русский... Москаль – по ихнему, а едешь служить в бандеровщину. Тебя там сожрут... Но Вася упёрся – Моя Родина, говорит. Там меня знают и много знакомых и одноклассников. Как потом оказалось Родина приняла Васю не ласково. После принятия Украинской присяги Комлев сумел прослужить в родной армии два месяца и был уволен именно за то, что он русский и с русской фамилией.

Разборки

За углом переулка нас ждали. Вернее ждали Андрея. Я лишь вчера приехал в командировку в эту богом забытую гарнизонную дыру. В местный полк. И тут встретил своего давнего товарища. Вчера вечером мы хорошо посидели, общаясь у него дома, и я остался ночевать, поэтому влетел в разборки случайно. Так сказать за компанию. Пять человек цыган, увидев Андрея, радостно и мстительно взревели и ринулись в нашу сторону, но тут же замешкались. Они ждали его одного, чтобы спокойно и обстоятельно попинать, при этом объясняя за что пинают и кто тут настоящие хозяева, а на деле оказалось двое. Выглядели они по сравнению с нами хиловаты, но внушительное численное преимущество превалировало над их вполне оправданными опасениями и они вновь, с дебильным воодушевлением, кинулись в атаку. Визгливые крики и вопли на цыганском языке, мельтешение кулаков и суетливые перемещения вокруг нас, визуальное удваивало их количество. Но мы были нормальными офицерами и командирами, которые не испытывая особого страха могли запросто пойти на толпу пьяных, либо обкуренных, ничего не соображающих и агрессивно настроенных бойцов и подчинить её себе. Соображать они начинали назавтра и как правило некрасиво – с соплями и слёзами. И клятвами, что этого больше никогда... Поэтому мы сразу же ввязались в драку. Первый, самый активный из них от мощного удара в солнечное сплетение, улетел на снег, пробороздив спиной до забора. Андрей его вырубил хорошо и качественно, после чего тот вполне послушно затих и надолго. Второго достал я, и хотя он тоже улетел на приличное расстояние, быстро вскочил на ноги и вновь ринулся в атаку. Резко присев и пропустив просвистевший кулак над макушкой, я как сжатая пружина выпрямился вкладывая в удар в том числе и инерцию собственного тела. И удар был такой силы, что я сам отрикошетился от его челюсти, упал на землю, тут же чисто машинально, на автомате, проведя обеими ногами приём уже другому противнику, заносающему ногу для удара мне в лицо и сразу же испугался, что переборщил с ним. С громким криком, переходящий в тонкий, совсем не мужской визг, цыган упал на землю и стал кататься вдоль забора, держась за ногу. Драка сразу прекратилась и двое оставшихся цыган отскочили на несколько метров.

– Боря, ты чего ему сделал? – Андрей стоял в напряжённой стойке, тяжело дыша и наблюдая за отскачившими. Потом несколько расслабился и опустил руки, поняв, что оставшиеся к нам больше не полезут.

– Чёрт, по моему ногу ему сломал, – я огорчённо смотрел на цыгана, который уже перестал кататься по снегу и теперь тихо подвывая, осторожно шупал пальцами колено, куда и был нанесён удар. Первый тоже очнулся и стоял на карачках, блевая какой-то мерзкой жёлтой слизью. А мой, уделанный в челюсть, продолжал счастливо лежать без сознания, – не хотел я этого, но как-то так автоматически получилось...

Андрей набрал в ладони снег и озабоченно наклонился над моим вырубленным цыганом и стал энергично тереть ему лицо. И к моему великому облегчению, тот зашевелился, открыл глаза, наполненные мутью и медленно поднялся, держась за забор. Поднялся с земли и цыган с повреждённой ногой, осторожно наступил на неё, громко охнул, потом сделал ещё один шаг, опять охнул, ежесекундно ожидая боли или падения, но ничего подобного не случилось, и слава богу – нога осталась целой.

– Значит надо в следующий раз бить ещё сильнее, – извлёк для себя я достаточно скользкий опыт.

Через минуту сопений, оханья и матов, началась бурная и эмоциональная предьява со стороны цыган. Все пятеро являлись владельцами и хозяевами богатых домов, находившимися в цыганском посёлке. И сегодня, рано утром, несколько солдат напрочь вышибли все стёкла во

всех этих домах. В чём и обвиняли моего друга. Всё это сопровождалось угрозами, требованием умопомрачительных сумм денег и опять угрозами, в том числе и постановки на счётчик.

Когда были сказаны все слова, произведено приличествующему моменту необходимое количество маханья кулаками и угрожающих телодвижений, правда всё это на безопасном расстоянии, посчитав что тем самым мы оказались морально раздавленными, хотя наш вид говорил только о зоологическом интересе к самому процессу предьявы, самый активный из них с ненавистью конкретизировал: – Ну что, как разруливаться будем? Либо ты через три дня бабло указанное приносишь, либо через Сипатова, тебя на счётчик поставим. Только тогда денег с тебя гораздо больше сдерут. И ты майор, за то что вмешался в наши разборки, тоже через три дня бабки принесёшь. За ногу и за челюсть пятьдесят кусков...

Витиевато выругавшись, я весело послал его на три буквы, при этом обозвав его вонючим, черножопым козлом.

– За козла... – активный было дёрнулся ко мне, но вовремя остановился, видать вспомнив результаты драки, – за козла, мы с тобой отдельно побазарим и отдельные бабки возьмём.

– Ну, а теперь буду я говорить, – В глазах друга тоже горела далеко не детская ненависть, – Во— первых: платить ничего не собираемся. Ни я первым эту бодягу начинал. Во-вторых: вы мужики всю предьяву за выбитые окна переводите вот на него.

Андрей ткнул пальцем в грудь активного: – Я вчера к нему пришёл, как нормальный мужик к нормальному мужику, и честно его предупредил насчёт солдат и окон. Вместо того чтобы нормально всё обсудить, он начал сам наезжать на меня и пальцы веером растопыривать. Всё, что сегодня произошло – произошло из-за его малолетнего ублюдка. Так что все предьявы к нему.

Цыгане угрюмо посмотрели на своего лидера, а тот сразу же запетушился и заорал: – Ты не переводи с больной головы на здоровую. Мы сами между собой разберёмся, а то что это были твои солдаты – зуб за это отдаю. И значит весь ответ на тебе, – он характерным и быстрым движением большого пальца коснулся ряда золотых зубов и, неуловимо щёлкнув пальцами, дёрнул рукой в нашу сторону.

Но этим своим заявлением он не сбил с правильного направления моего друга: – Ну и что, что это мои солдаты... Хер его знает, что им в голову взбрело... Вот если бы ты словил кого-то из них, тогда бы и мог чирикать, а так – Пошёл на х...й...

– Да, последнее. Если хоть один волос упадёт с головы моей жены и моего сына, если хотя бы одна тварь с вашего посёлка или ещё кто-то бросит косой взгляд в мою сторону и сторону моих близких, я ведь ни перед чем не остановлюсь. Надо будет и танком перееду твой дом... Да и ваши тоже. Задумайтесь, сволочи. А теперь пошли на х. й отсюда, мне на службу надо.

Провожаемые злобными выкриками, взглядами и ворчанием противника, мы ушли в полк.

Отойдя метров на сто от места драки, я спросил друга: – Андрей, а из-за чего хоть базарвокзал?

– Ааа... не заморачивайся... – махнул рукой товарищ. Но пройдя в молчании пару минут, заговорил, как бы размышляя вслух.

– ...Я, Боря, не расист, не шовинист и не фашист, но как это не печально постепенно скатываюсь туда. Вот если сейчас спросить любого солдата нашей Российской армии – Какая самая гнусная национальность в нашей стране? Ответ будет однозначный, причём ответ будет с хорошей долей ненависти – Даги. И эту ненависть к дагестанцам они принесут после армии в свои деревни и городки, будут передавать своим детям в рассказах об армии. Сам-то дагестанский народ нормальный, как и любой другой. Но вот эти молодые люди, призываемые с Дагестана, эти молодые ублюдки, у которых в башке ничего нет и которых не научили дома как себя в гостях надо вести, сбиваясь в подразделениях в стаи и творя там потом беспредел, они рождают к их народу ненависть. Ну, с дагестанцами – чёрт с ними. У хорошего командира

они всегда в кулаке и ими можно управлять. Но ЦЫГАНЕ. Вот есть народная пословица – Не живи, где трахаешься, не трахайся, где живёшь. Вот городок, а забором цыганский посёлок. Солдат бьют, спаивают, наркотиками потчуют. Детей наших тоже бьют и грабят. Торгуют наркотиками, не скрываясь. Наркоманы здесь прямо живут чуть ли не на улице. Смотри, какие хоромы настроили. Ведь никто из них не работает. И что самое хреновое, все знают про наркотики и другое и ничего сделать не могут. Крышуют их милиция и синие. Менты даже не скрываются. Два раза в день, как по графику, приезжают за данью – утром и вечером. Тут как-то с участковым ихним в одной компании оказался. Кстати, очень нормальный и порядочный мент. Выпили и я к нему пристал... Так он говорит – это не мой уровень. Если я всё-таки плюну на всё и начну цыган за жопу брать – то меня элементарно грохнут, причём свои же. Вот так-то. А у вас как?

– Да ещё хуже. Город у вас маленький, новые веянья цивилизации до вас ещё не дошли. Но скоро дойдут. Наркотики, продажные менты и весь обрисованный тобой комплект у нас уже есть и давно. Только к тому, что ты рассказал можно добавить следующее. Тупорылые бойцы, подбитые цыганами, потащили с частей в цыганский посёлок весь цветной металл, что есть в частях, а это латунные винты на БТРах и БРДМах, лобовые алюминиевые листы с БМП, каждая вторая радиостанция раскурочена из-за платины. И многое чего другое. Я тут две недели назад иду на обед вдоль цыганских домов. Подходит ко мне цыганское фуйло. Вот одного брошенного взгляда на него достаточно понять, что данный экземпляр как человеческий материал, как гражданин, как в целом человек – никакой ценности для общества, для страны не представляет. Вот достать пистолет молча, и так же молча вкатать ему пулю в лоб. И мир от этого станет только чище. И вот это фуйло через губу мне говорит: – Слышь, майор, базар к тебе есть. Остановился – любопытно стало. Слышь, – говорит, – чего мне с солдатами по мелочи возиться. Давай, майор, таскай платину и я тебе больше денег платить буду...

– Ну, что в лобешник закатал? – Заинтересованно спросил Андрей.

– Не... бессмысленно – он бы ничего не понял. Тут просто надо было убивать. Причём с очень короткой формулировкой – За подрыв боевой готовности.

Товарищ засмеялся: – Тоже бессмысленно. Чтобы он понял – За что? Тебе бы пришлось ему сначала долго и нудно рассказывать – что это за подрыв боевой готовности. Очень подробно рассказать. Ну и что дальше было?

Я его спрашиваю: – Ты в армии служил?

Тот презрительно почмыкал губами и с гонором тоже спрашивает: – А чё... такое?

– А то, долб...ёб, если все радиостанции дивизии собрать и раскурочить, то и десяти грамм платины не будет.

На слово долб...ёб он даже не обиделся и предлагает другой вариант: – Ну, хорошо, тогда носи мне латунные винты...

– Ну, посмотрел я на него, как на амёбу и ушёл. Так что ждите, скоро и ваши всё это потащат к цыганам. У нас всё, что можно снять, командиры подразделений давно сняли и попрятали кто куда. Да так чтобы бойцы не знали. Вот так. Да... я тебя перебил. Ну и из-за чего у тебя с цыганами сыр-бор?

– Ааа... – Андрей резко и со злостью махнул рукой, – вчера прихожу домой на обед. Жена хмурая, бренчит тарелками и ложками, накрыла стол на меня и на себя. Спрашиваю – А чего Серёга, покушал что ли? Жена отвечает в сердцах – Покушал и сидит в своей комнате.

– А чего не в настроении – Двоек что ли сын нахватал?

Вот иди и сам узнай, а то живёшь на своей службе и ничего кругом не видишь...

Захожу, сидит мой Серёга надутый, а в пол лица синяк. Ну, ты вчера сам видел. Я взял и, не разобравшись, неудачно брякнул – Синяк, мол, украшает настоящего мужчину. Серёга сидел и так крепился видать из последних сил, а тут на мои слова взял и заревел. Папа, – говорит сквозь слёзы, – если бы драка была один на один и синяк получил бы, тогда – ДА. А

так семь человек завалили на снег, отпинали, оплевали, а этот долбаный Русланчик, присел на корточки передо мной и говорит – каждый день теперь будешь приносить и отдавать мне по пятьдесят рублей. Да я один на один, одним пальцем бы его завалил, а он с кодлой. Меня уже неделю вылавливают и бьют. Если раньше только под жопу пинали, то сегодня во так. Скоты...

– Вот представляешь моё состояние?

– Конечно, представляю. У меня было такое и я пошёл убивать...

– Во, во... Я тоже пошёл, но сначала выслушал сына до конца. Они его били ни за что, били просто так, чтобы запугать. Верховодит вот этот Русланчик. Он учился с сыном в параллельных классах до окончания начальной школы. То есть, научили писать, считать, читать и больше ему ничего не надо. И уже два года помогает взрослым продавать наркотики и крутить другие тёмные дела. Сколотил бандочку из таких же недоносков и терроризирует наших пацанов. Сын рассказал, где эта сволочь живёт и я пошёл, даже не стал обедать. Пошёл побазарить с его отцом по нормальному. Всё-таки мы живём здесь рядом друг с другом и худой мир лучше, чем хорошая война.

Пришёл, эта сопля во дворе крутится. Действительно, если мой Серёга один на один с ним вышел – уделал бы он его без всяких напрягов. И отец дома. Ну, ты его видел, это которого я уделал. Говорю ему так и так... Базарь с сыном – мне эти разборки ни к чему. Да и тебе тоже. И это чмо выслушало меня и высокомерно заявляет – Настоящий мужчина растёт, а я в мужские дела не встречаю.

Я ему говорю – Какой настоящий мужчина? О чём ты говоришь? Если бы один на один, а так всемером навалились на одного.

– Это пацанские разборки и пусть они сами разберутся.

– Какие пацанские? Мой сейчас наберёт пацанов и с твоим стенка на стенку. А если кого ножичком ткнёт или поразбивают друг другу головы? Тебе что ли эти проблемы нужны?

– В посёлке среди пацанов кто-то должен быть главным и пусть это будет мой Русланчик.

– Я к тебе как отец к отцу пришёл. Ты что не понимаешь, чем это пахнет?

Ну, тут его понесло. Он минуты три орал, что мы офицеры лохи и чмо и что способны только чмырить бессловесных солдат.

– Значит, я – лох и чмо? Хорошо, если ты не понимаешь по хорошему, то я тебе докажу, что за забором служат нормальные мужики. Сегодня ночью, пьяные солдаты будут возвращаться из самоволки и вынесут у тебя все окна. Не поймёшь, послезавтра танк въедет в твой дом и кирпича на кирпиче не оставит. И ничего мне не будет.

– На этом мы и расстались, – товарищ тяжело вздохнул.

– Твои, что ли стёкла вынесли?

– Мои... только я задачу ставил на этот дом, а чего они ещё и эти разбили – не знаю. Сейчас приду и разберусь.

– Андрей, ну ты их теперь завёл разбитыми стёклами. Они тебя же в покое не оставят. Мстить будут...

– Ну да, теперь придётся мне завтра фокус с танком делать...

Я засмеялся над словами товарища: – А танк то где возьмёшь?

Товарищ тоже засмеялся: – Да для этих фиксатых обезьян, что 152мм самоходка, что танк – однофу...венно...

Посмеявшись, мы разошлись в разные стороны, предварительно договорившись встретиться вечером и уже посидеть за пивом в выделенной для меня комнате в офицерской общаге.

Выпив по первой порции, не торопясь переключились на рыбу. Благо я её закупил нескольких сортов. Но самая лучшая рыба на столе была настоящая астраханская вобла. Как она попала в этот далёкий забайкальский городок – воистину загадка. По настоящему твёрдая, как доска. С янтарными глазами, со вспученным икрой брюхом. И другими моментами, при-

сущими только астраханской вобле. Я как увидел её, так практически всю её и купил в магазине, так чтобы что останется увезти с собой.

Отдав должное рыбе и пиву, мы начали общаться.

– Ну, что бойцы говорят? В армии ведь инициатива наказуема. Был один враг, а стало пять...

Андрей не спеша налил пива в стакан и ухмыльнулся: – В данном случае такая инициатива была уместна. У каждого командира всегда есть преданные бойцы. Вот я им и поставил задачу, а бойцы решили сделать мне приятное и расколотили и у соседей. А... ничего страшного...

– Ну а насчёт танка? Что решил?

– Как всегда, когда нужно – командира нету, а с начальником штаба бесполезно решать. Ссыкло он... Ладно, завтра с командиром решу. Можно, конечно, и без него, но не хочется подставлять его. А с другой стороны, командир как начальник гарнизона, тоже натерпелся от цыганья. И если дело приобретёт нежелательный оборот, то его связи не помешают. Фигня это всё. Слушай, – Андрей оживился и рассмеялся, – я сегодня утром, когда в дивизион пришёл, так сразу же домой позвонил и сказал Серёге, чтобы он в школу до понедельника не ходил... Так он не успел трубку положить, как заорал – УРААААА! Вот же чертёнок...

Мы засмеялись и разговор плавно сместился в сферу воспоминаний о школьных годах и о других приятных моментах. Короче вечер удался, правда, после воблы я избегался в умывальник, где остервенело, но с удовольствием глотал ледяную воду прямо из латунного крана.

С утра закурился со своими делами и лишь в двенадцать часов дня узнал о ЧП в полку. Механик-водитель не справился с управлением и самоходка в частном секторе раздавила капитальный гараж. А когда стала выезжать оттуда, то по крушила ещё какие-то постройки. Но больше всего всех удивляло, что это произошло под руководством командира дивизиона. Целого подполковника. Опытный офицер и как он мог допустить это? Почему вовремя не среагировал? Чего сам лично стал проводить занятия по вождению? Во будет буча? – Примерно такой ряд вопросов взбудоражил всех офицеров полка, но уже к вечеру всё успокоилось и общее суждение было следующее – Водитель-механик долбоёб, всё оказывается было законно, разрушения не большие, никто не пострадал, командир полка всё уладил, менты приехали и уехали, хозяева претензий не имеют.

Пока в полку шло совещание, я дожидался товарища в его кабинете, потягивая пивко, а когда он пришёл, то на столе тут же из сумки появилось пиво и вобла, чему Андрей был только рад.

– Фуууу... Боря, ну и денёк сегодня насыщенный был. Зато все вопросы снял. – Товарищ в несколько глотков азартно и шумно выдул чуть ли не всю бутылку и неожиданно сильно ргнул отчего смутился. – Во, чёрт...

– Ну, как у тебя акция возмездия прошла? Давай рассказывай. Лишний опыт не помешает...

– Ээээ, нет. Сначала надо с бойцами разобраться. Чтоб всё по справедливости было...

Через три минуты в кабинете комдива стоял ефрейтор – виновник сегодняшнего дорожно-транспортного происшествия и ещё один механик-водитель.

– Баринов, Аксёнов рыбу любите? Любите – молодцы! На тогда тебе и тебе за грамотные действия настоящую астраханскую воблу. Но это так, закваска. Молодцы, действовали сегодня, как и надо, а я свои слова на ветер тоже не кидаю. Едете оба в отпуск, но только через две недели. Так... на всякий случай выдержим это время. Мало ли чего, но вы не ссыте... Всё будет пучком. Сегодня 28 января, а 10 февраля проснётесь уже в отпуске. Можете даже дырочки в календаре колоть.

Когда солдаты ушли, Андрей стал не спеша рассказывать.

– Нормально всё прошло. Правда, пока командир на место не приехал, пришлось подёраться. У меня вчера, зампотех дивизиона накатали грамотный конспект на проведение занятия по вождению. Всё как положено – маршрут, техника, привлекаемый личный состав, средства обеспечения, регулирование, летучка. Согласовал всё это с зам по вооружению полка, путёвки, наряд и всё такое. Ночью писаря переписали в дивизионе расписания занятий и утром с этими бумагами поперся в штаб полка к командиру. Сначала зашёл к начальнику штаба подписать новые расписания, но тот упёрся рогом и отказался. Правда, я ему тоже не мог всего рассказать, а то бы его мигом кондрашка хватанула. Тогда пошёл к командиру и сразу всю правду-матку выложил. Думал, что и его придётся уговаривать. А тот так мудро посмотрел на меня и в конспекте, в цели занятия, своей рукой дописал – Проверка вероятного маршрута выхода техники в запасной район по сигналам готовности. – Написал и с тоской в голосе говорит.

– Как они меня задолбали... Давай, только без сильных последствий. Да, как только совершишь, сразу ко мне гонца, а я ещё развед. роту мигом туда для поддержки подтяну.

Потом вызвал начальника штаба и заставил его утвердить расписания занятий. Часа два у меня ушло на разные инструктажи, сам понимаешь – чтоб задницу прикрыть со всех сторон. Куча списков, несколько куч подписей. И выехали на двух самоходках. Знаешь, когда из-за поворота выехали и я глянул на место боевых действий, у меня нехорошо сердце ворохнулось. От понимания в какое говно могу сейчас вляпаться, а с другой стороны уже и отступить было поздно. Да и нельзя. Иначе сам себя уважать перестал бы и как потом я сыну в глаза смотреть буду. Его ведь щенки эти совсем загнобят, да и взрослые цыгане тоже голову ещё больше подымут. Кому-то ведь надо начинать... Вот я и начну. Но дом, конечно, нет. Это был бы перегиб, а вот аккуратный, кирпичный гаражик – в самый раз. И вот мы – на полном ходу, с хорошим грохотом въехали прямо в него, да ещё слегка развернулись там, превратив всё в крошево. Что тут началось, Боря. Я даже и не думал, что у нас так много цыган живёт. Но первым выскочил хозяин со всем своим семейством. Он был в шоке, только молча метался вокруг самоходки. Хватался за обломки стен, бросал их, кидался вытаскивать какое-то имущество из развалин и из под гусениц. Опять кидал. Но зато его баба, вопила так, что всё цыганье сбежалось. И этот малолетний ублюдок тоже веселился, пока отец ему хорошую затрещину не дал. Командир взвода мигом умчался за командиром полка, а у меня начались активные разборки. Крику, воплей было до небес. Налетели все, особенно усердствовали бабы, как будто я имущество всего посёлка переехал. Лезли ко мне с кулаками мужики. Но тут хорошо сработали мои бойцы, да вовремя подбежала разведрота и жестко, прикладами отогнали наиболее ретивых. Видя такую херню, хозяин немного пришёл в себя и начал кому-то интенсивно названивать. Самоходка по заранее продуманному сценарию насмерть заглохла и её надо было вытягивать на буксире. Ну... а когда начали её дёргать второй самоходкой, то напрочь завалили весь забор у соседа и деревянный резной навес с Барбекю. Воплей и угроз – в два раза больше стало. Ко мне народ снова ринулся, но разведчики вновь их отогнали. А тут подъехали менты на двух машинах с капитаном во главе, который тут же стал шушукаться с пострадавшими цыганами. От вида ментов, от их косых и плотоядных взглядов, которые они бросали в мою сторону, мне стало совсем неуютно. Чуть отлегло, когда приехал командир полка. Степенно вылез из машины и подозвал к себе капитана-мента. Тот ему очень пространно начал что-то толковать ему и по всей видимости стал давить на него, угрожая вызвать ОМОН и всех тут военных переарестовать. Командир наш по характеру мужик простой, с ним можно запросто решить любой вопрос, но тут он решил сыграть роль большого начальника. Он резко оборвал капитана и, возвысив голос, возмутился: – Я не понял, товарищ капитана – Вы, что мне угрожаете? Вы хоть понимаете, кому угрожаете? Только попробуйте вызвать ОМОН. Сейчас подыму по тревоге батальон и вас, товарищ капитан, и ваш ОМОН мои пехотинцы по всем улицам мордой по снегу таскать будут.

– Чтоооо...? Смирно, товарищ капитан! Вы забываетесь и о вашем хамском поведении буду докладывать вашему вышестоящему начальству. Я найду, кому доложить, чтоб вас там хорошенько сострясли. Вы что, капитан, также и со своим начальником милиции разговариваете? Так я могу вам напомнить – Помимо того что я командир полка, что я полковник, я ещё и начальник гарнизона. А вы всего лишь капитан и если в этом будет необходимость, я вас сотру в порошок. Вам понятно? Идите отсюда. А с начальником милиции я сейчас свяжусь...

Вздёрнутый капитан, с кислой рожей отошёл к пострадавшим, что-то им буркнул недоброльно и под удивлёнными взглядами цыган все менты посажались в машины и уехали, а командир подошёл ко мне и так ехидно спрашивает: – Ну как я его оттрахал? Красиво...?

– Классно, товарищ полковник... Я бы так не смог.

– Был бы на моём месте Смог бы... Смог... Ну, дальше ты наверно сам справишься? Разведка в твоём распоряжении. – Вопросительно и как бы утвердительно произнёс полковник, закурил сигарету, сел в УАЗик и уехал

Получив наглядный урок как надо действовать, я начал наглеть. Отвёл в сторону цыгана и его соседа и начал на них напирать: – Ну, что – Помогли продажные менты? Хрен вам и не помогут. Сейчас мой командир ещё в областное УВД, кому надо, позвонит и те так им хвосты накрутят, что они забудут – что вы здесь живёте. Если хотите и дальше дёргаться, то послезавтра тут танками всё сравняю. Весь посёлок и ничего мне не будет, потому что я с войны контуженный приехал. И как видите своих слов на ветер не кидаю. Сказал, что дом завалю и завалил. И твоё счастье, что солдат промахнулся и на гараже заглох...

Цыгане мигом и сразу поутихли, правда по инерции ещё побухтели, типа того – Посмотрим, какой ты храбрый будешь, когда Сипатый приедет....

Пока мы суетились как бы в заводке самоходки, приехал со своими мордоворотами смотрящий за городом Сипатый. Надо сказать очень колоритная фигура. Издалека видел, но сейчас разглядел вплотную. Громила, метр девяносто. Так внешне ничего, но через левый глаз идёт шрам, из-за чего рожа бандитская. Хоть в кино прямо снимай и гримировать не надо. Видать в молодости резанули и из-за шрама левого глаза не видно, а правый поблёскивает с таким... холодным прищуром. Причём, когда он смотрит на тебя глазом, создаётся такое впечатление, что он в этот момент решает только один единственный вопрос – Сейчас убить или потом? Меня, например, от его взгляда несколько в пот бросило. Сипатый походил, посмеялся, спокойно выслушал цыган, потом отвёл в сторону меня.

– Ну что, командир, рассказывай, – и секанул холодным взглядом единственного глаза. Я ему всё и рассказал. Про стёкла тоже. Сипатый посмеялся и хлопнул меня по плечу.

– В Чечне, командир, служил?

– Не служил, а воевал... В самые бои в Грозном.

– Ну и молодец, уважаю тех кто не зассал, – Сипатый подманил пальцем одного из своих приближённых и ткнул тем же пальцем в цыгана, – скажи ему, что он мне должен... За ложный выезд. Завтра жду...

Смотрящий снова слегка хлопнул меня по плечу: – Не ссы..., командир. Я в это дело влезать не буду, а черножопых иной раз и нужно по сопатке проехать. Сам с ними разбирайся. А танки у тебя красивые...

И тоже уехал. В принципе, на этом всё и закончилось. Перед совещанием цыгане пришли на КПП и вызвали меня, предложив разъехаться миром. Они ко мне претензий не имеют. Единственно, что я им сказал, что если что-то повторится – пусть тогда не обижаются...

* * *

... Прошло тринадцать лет. Блуждая однажды по одной из социальных сетей в интернете, я наткнулся на знакомую фамилию и тут же связался с Андреем. Оба обрадовались друг другу. Андрей тоже был на пенсии и благополучно проживал в Саратове. И как-то общаясь по Скайпу

я вспомнил давешнюю историю и спросил – Не было ли потом у него последствия? Андрей рассмеялся.

– Как не было? Конечно, было, но только другого плана. Сына моего больше никто не трогал. Цыган быстренько отстроил новый гараж, а сосед навес и Барбекю. Малолетнего ублюдка строго наказали, но образовавшийся вакуум тут же заполнила другая бандочка, только ублюдки были чуть постарше и однажды поздно вечером хорошо отпинали прапорщика с пехоты, когда он шёл домой из города. Прапор был авторитетный, поэтому ночью пехотинцы на всей этой улице выбили стёкла на окнах и сожгли цыганский гараж с машиной внутри, а также деревянный навес у соседа. Утром меня уже ждала у подъезда толпа.

– А я причём? – Удивился я, – мы все вопросы порешали... Я не при делах. Разбирайтесь у себя – Кого ваши опять обидели?

Приезжали менты, всё зафоткали, сняли многочисленные следы солдатских сапог. Но всё это бестолку – в полку полторы тысячи бойцов. Правда, цыгане у себя внутри разборку учинили и разобрались из-за чего весь сыр-бор.

Прошло ещё пару месяцев, а тут бойца в посёлке местные подрезали. Вот это была паника. Цыган уже купил новую машину и тут же её угнал из гаража куда-то прятать. Они целую неделю дежурили по ночам в посёлке, чтобы не допустить беспорядков со стороны бойцов. Неделя прошла – Ничего. Цыгане успокоились, а как сняли ночное дежурство, на следующую ночь снова вышибли на этой же улицы стёкла, сожгли опять этот же гараж вместе с машиной, куда на ночь цыган её возвратил. И сожгли навес и сарай у соседа цыгана.

Разборки уже в этом случаи были серьёзные. Менты стали копать, да ещё цыгане пожаловались в штаб округа и оттуда приехала комиссия. Нормально их встретили, комиссия плодотворно поработала, неплохие факты подкинули особисты и они уехали, а со штаба округа на областное УВД пришла ХАРОШАЯ бумага с такими фактами, что местным ментам пришлось сразу всё это «забыть» и все силы бросить на выявление подрезавшего бойца. Того мигом нашли и прилично впаяли. Пришлось цыганам и сдать мелкую свою шушеру, чтобы не пострадал основной их бизнес.

И после этого отношения между нами и ими перешло в нейтралитет. Так что если грамотно подойти, то можно и этих тоже строить. Но лучше в такие ситуации не влезать....

Железный Капут

Время было около двенадцати часов дня и я уже был готов взвыть от бесконечной бумажной писанины, которую сам на себя сегодня и взвалил. Ещё бы минут двадцать и я бы это сделал, но в этот момент открылась дверь и в канцелярию с жизнерадостным шумом ввалился командир танкового батальона майор Ильиных, или как мы его прозвали – Железный Капут.

– Вован, ты почти не опоздал... – ехидно и одновременно радостно поприветствовал товарища, тотчас отодвигая от себя надоевшие бумаги, воспользовавшись предложением с честью для себя вынырнуть из бумажной круговерти.

– Здорово, – Володя Ильиных прошёл к моему столу, поздоровался за руку и тут же плюхнулся на стул, – Что хоть тут...? Всё нормально? Командир меня на разводе спрашивал?

– Нормально... нормально. Если бы ты и завтра не приехал он бы и тогда не заметил. Что может произойти в нашем кастрированном полку, чтобы командир отсутствие командира батальона заметил?

– Ну, кадрированный или кастрированный, а у меня в батальоне всё-таки двадцать солдатских душ числится и почти все офицеры, в отличие от вас – артиллеристов. У тебя вон только два бойца – Колчанов и Лихачёв, да и то преданные, отличные бойцы. Мне б таких, чтобы по ночам спать спокойно. Сегодня в два часа ночи, в самый сон будильник как зазвенел... Это ж надо вставать, переться на электричку, полтора часа до Челябинска, три часа до Екатеринбурга на автобусе. Как это мне обрыдло... Поглядел на будильник. Сказал русское магическое слов – Хусим. Обнял жену и снова заснул. Но в шесть часов всё равно пришлось на электричку переться. Скорей бы вызов из академии пришёл, хоть там с семьёй буду. Знаешь, как говорится про учёбу в академии – Спасибо армии родной за двухгодичный выходной.

Майор Ильиных пришёл к нам на должность командира танкового батальона с Чебаркульского гарнизона. Грамотный офицер, добродушный крепыш, жизнерадостный, открытый, надёжный как оказалось товарищ, он сразу и легко влился в офицерский коллектив полка. И служба у него здесь пошла тоже нормально. И всё ничего, но квартиры здесь у него не было, поэтому каждую пятницу после обеда, когда это было возможно, он уезжал в Чебаркуль к семье, а в понедельник к подъёму старался подъехать. И это его уже основательно задолбало.

– Слушай, Боря, бросай ты эти бумаги. Пошли ко мне в кабинет, я там пирожки домашние привёз, ты чаю своего фирменного заварись. Посидим, пообщаемся. Кстати, расскажу тебе одну хохму, свидетелем которой был в пятницу. Обещаю, уссышься от смеха.

Через десять минут, мы удобно и основательно расположились с Володей за столом. Так как Ильиных «холостяковал», то у него в кабинете всегда был некий запас провизии и комплект посуды. Чай я заварил по всем правилам и товарищ, сделав с наслаждением первый глоток, похвалил меня.

– Вот сколько раз наблюдал как ты завариваешь чай, а у меня всё равно не получается такой же. Ну, в лучшем случае – горький и крепкий. А у тебя крепкий и вкусный. И что самое интересное – от него гораздо больше энергии приходит, чем от кофе. И спать совершенно не хочется. – Володя с удовольствием отхлебнул чая и спросил, – Где ты так научился заваривать?

– В Германии, когда служил – немец один знакомый. Это ж самый простой и эффективный способ и в Европе его называют либо Русским, либо Белогвардейским... Меня этот немец и другим способам заварки учил. Самый трудный – Тибетский. Там специальные ингредиенты нужны. В Германии их найти можно, но вот в России хрен найдёшь. Туда помимо муки, соли, крупы специальной, нужно молоко Яка и разная другая хрень. Всё это варится в большой кастрюле и на вид получается довольно неприятная бурда, да и на вкус тоже. Но зато, если ты обморожен, сил физически никаких нет – выпиваешь и как заново родился. Эффект

очень сильный. Немец для меня раза два готовил. А я сам ещё ни разу. Хотя хочется. Ну, да ладно, чего ты там обещал про хохму?

Володя оживился, сделал несколько глотков из фарфоровой кружки и начал рассказывать: – Я такой наглости ещё ни разу не видел. Это ж надо так ГАИшников нагло нагнуть и уехать. И где – прямо у них на посту. Офигеть... Ты знаешь, как я езжу домой? – Задал неожиданно вопрос товарищ.

– Как... как? Известно как – путь один. Автобусом до Челябинска, а там электричкой до Чебары. Всегда так ездим.

– Во... и я так ездил поначалу. Неудобно получается, да и долго. Подумал, прикинул и пошёл на стационарный пост ГАИ, что на Химмаше... на выезде с Ёбурга... Пошёл знакомится с ГАИшниками. Взял водочки, закуски, пришёл на пост, выставил всё это на стол и говорю – Мужики давайте дружить и помогайте. Никаких денег не хватает вот так мотаться домой. И подружился. Теперь прихожу туда – меня все там уже знают, вплоть до начальника ГАИ Чкаловского района. Водку и закуску я лишь несколько раз приносил. Они потом сказали – хватит, Вован – мы тебя сами будем поить, если хочешь. Посидим, поболтаем, потом выходим на дорогу и они начинают останавливать все транзитные машины и ещё с Челябинскими номерами. Как только выясняется, что машина едет по трассе М-5 на Уфу, сразу же меня сажают до Чебаркуля, а водителя страшат – что не дай бог, майора не довезёшь. И еду, еду с комфортом. Нормально. Ни разу ещё осечки не было.

Точно также и в пятницу прошедшую пошёл туда. Боря, если отринуть от ГАИшников вот их мутные дела по деньгам, по их борзоте на дороге, блин – отличные мужики. С ними можно дружить и общаться, идти на любое дело. Ну и ещё от своей, можно сказать безграничной власти на дороге, силы, корпоративности, от сознания, что их прикроют если что... Ведут себя нагло и чувствуют безнаказанными хозяевами дороги. И это частенько у них проскальзывает в общении даже со мной. Но это лирика, а теперь рассказываю. Ухохочешься...

... Пост ГАИ встретил меня знакомым, неистребимым и специфическим запахом, который бывает в местах круглосуточного пребывания вооружённых мужиков. Даже несмотря на то что окна были распахнуты и по небольшому помещению гулял сквознячок, запах не исчез, а лишь слегка приглушился.

– Здорово мужики, – жизнерадостно поздоровался я со здоровяками Петей и Костей, сидевшими в продавленных и замасленных креслах, поздоровался за руку и с молоденьким лейтенантом Кудряшовым, который сегодня был старшим поста и с ещё двумя ГАИшниками, их я знал мало, оттого что они лишь недавно поступили на службу.

– Ну, сколько тебя, майор, можно предупреждать, что Мужики только на Зоне есть, – добродушно парировали ментовские сержанты, которым надоело торчать на дороге и они приехали сюда, чтобы немного побазарить с товарищами и перевести дух. – Что опять, тебя сажать надо? Когда машину купишь? Пора бы...

– Вот академию закончу, стану генералом и вообще покупать не буду. Будут меня возить на «Волге» и воинскую приветствие мне отдавать ещё будете. Ну, а я так быть остановлюсь и сигареткой ещё угощу вас.

– Ты ж не куришь?

– Специально для вас закуплю дорогие сигареты, а не будет так у водителя дешёвые стрелну...

– Ладно... ладно... ты сначала генералом стань.

Пикируясь и подкалывая друг друга, мы вышли с будки и перешли на противоположную сторону дороги. Петя и Костя, чтобы не стоять зря стали останавливать подряд все автомобили и с важным видом общались с водителями, проверяя документы и осматривая машины, искоса и ехидно поглядывая в мою сторону. Как бы говоря – Видишь, мы хоть и не генералы и не

майоры, а как народ по стойке «Смирно» становятся перед нами... Вот она реальная власть и она в наших руках.

Как назло транзитных машин не было, сержантам быстро надоело демонстрировать власть перед водителями и мной и они вновь подошли ко мне.

Закурили, потёк неспешный разговор, который был вульгарно и грубо прерван выскочившим на огромной скорости из глубины городской улицы к посту чёрным, затонированным и накрученным джипярой «Мерседес». Я думал, что он сейчас резко сбросит скорость, так как за сто метров от поста стоял знак – «Скорость 30 км\час». Но джип и не собирался снижать и мчался вперёд на скорости около 120 км\час. У Кости от такой наглости даже сигарета изо рта выпала и он отчаянно замахал полосатой палочкой, но «Мерс» пролетел мимо, обдав нас пылью и вонью выхлопных газов. Петя мгновенно выхватил свисток и мигом, до красноты надув щёки, оглушительно засвистел, требуя остановиться. Джип, проехав метров пятьдесят, стал отчаянно тормозить и его опасно закидало по дороге так, что только чудо могло спасти его от переворачивания. Я закрыл глаза, а когда, не услышав удара кузова об асфальт, открыл их, то джип уже стоял как вкопанный на дорожном полотне, оставив после торможения две длинные чёрные полосы. Стоял он всего несколько секунд, потом с визгом и дымом завертелись, проворачиваясь на асфальте колёса, и автомобиль чуть ли не на такой же скорости ринулся задом к замершим в растерянности ментам. Несколько секунд бешеной езды задним ходом и машина резко стопорнулась около нас. Дверца водителя открылась и оттуда стремительно выскочил молодой парень лет двадцати семи, крепко сбитый, обритый на лысо, в дорогих джинсах и светлой футболке, выгодно подчёркивающей развитую мускулатуру. На крепкой и мускулистой шее висела массивная, витая цепь из золота с таким же массивным крестом, а на пальцах виднелось несколько печаток. Или как среди блатных говорят – Гаек. Глаза у него были злые и весь его вид, порывистые и резкие движения, говорили о решительности намерений.

– Кто свистел? Я спрашиваю – Кто свистел? – С яростным напором налетел крепыш на ГАИшников.

– Стойте, стойте... гражданин... – Степенно попытался остановить водителя Костя. Парень резко повернулся к нему и, агрессивно ткнув пальцем в широкую грудь милиционера, зловеще и многообещающе протянул.

– Аааа... значит ты свистел...

– Причём тут – свистел или не свистел, – озлился Костя, – и вообще гражданин, вы что не видели знака – Ограничение скорости 30 километров в час... А у вас она была...

– Да засунь ты свой знак в жопу. Мне по хер твоя скорость... и я тебя ещё раз спрашиваю – Ты свистел?

Петя и Костя растерянно молчали, переглядываясь друг с другом, не зная, что говорить и как вести себя с этим наглецом, а через дорогу, увидев конфликтную ситуацию, мчался начальник поста.

– Что тут у вас происходит? – Попытался грозно вмешаться в ситуацию невзрачный лейтенант, но крепыш обернулся и сам ринулся в атаку.

– А ты сам кто такой? Чё влазишь?

Бурость, напор, растерянность здоровяков сержантов, а главное нестандартное поведение водителя, который совершенно не боялся ментов – Хозяев дороги. Наоборот сам демонстрировал своё право на такое агрессивное поведение. Всё это сразу же сбило Кудряшова с начальственного тона. Он подтянулся, захотел браво представиться, чтобы потом самому наехать на нарушителя... но только подтянулся и сдулся, лишь растерянно произнеся – Лейтенант Кудряшов...

– А что, лейтенант, где твоя фуражка и почему ремень на яйцах болтается...? Ты на дежурстве или не на дежурстве, чёрт побери...? Товарищ майор, вы кто такой? – Вдруг повернулся ко мне крепыш.

Я чётко приложил руку к головному убору и представился: – Командир танкового батальона войсковой части 61931 майор Ильиных.

– Во... учитеесь... Армия. Хорошо, товарищ майор.

– Значит так. Я через сорок минут еду обратно и ты лейтенант мне докладываешь – Кто из них свистел? Он или Он? Задача понятна? Вот и разбирайся. – Крепыш сел в джип, дал газу и умчался в сторону Челябинска.

– Кто это был? – Лишь когда машина скрылась вдаль у Пети прорезался хриплый голос и он очумелым взглядом посмотрел на напарника.

– Откуда я знаю? – Сглотнув слюну, окрысился Костя и они уже вдвоём требовательно посмотрели на Кудряшова, – А ты что скажешь? Ты ж начальник...

– Да хер его знает... Может кто из нашего начальства...?

– Какое начальство? Да, он весь в гайках и цепях – Синий это...

– Да нет... не похоже. Всех их бугров вроде бы знаю, а этого нет. Может Челябинский? Хотя нет... номера то наши. Хер его знает. – Оба ГАИшника уставились на Кудряшова и тот поёжился под их взглядами.

– Кудряшов, ну его на хрен. Чёрт его знает кто это такой!?! Ты старший поста – ты тут рулишь вот и разруливай эту хрень, а мы поехали отсюда от греха подальше. Но ты нас не знаешь... Если что – скажешь что проезжие... Вован, извини, но тормози машины сам...

Я закончил смеяться и вытирал выступившие слёзы, а Володя азартно продолжал: – Во... Представляешь!?! Два здоровых амбала-сержанта, наглочие, два полноценных хозяина дороги, от вида которых всё на дороге дрожит – и пасанули, встретив отпор. Вот ситуация...

А если бы ты ехал, Боря, на своей «Газели», да превысил скорость километров на десять там? Да они бы не посмотрели, что ты подполковник – мозги вынесли бы напрочь – эти сержанты. Слушай, они мне анекдот свежий перед этим рассказали про ГАИшников. Блин – смешной...

... – В глухой, глухой провинции на перекрёстке двух расхераченных, грунтовых дорог стоит на посту местный, замухрышистый, весь помятый ГАИшник, рядом такой же побитый, облезлый и ржавый мотоцикл «Урал» и грустно размышляет над своей неудавшейся судьбой: – Блин, что за жизнь? Что за непруха? Ремонт в доме делать надо, жене пальто купить надо, дочку дуру надо устраивать в областной центр в институт, самому выпить частенько хочется да и налево сходить тоже надо, а денег ни хрена нет. Думал в ГАИ на дороге заработаю, а кого тут штрафовать, с кого тут бабло тянуть – когда все такие же нищие, как и я.

И тут из-за поворота выезжает весь накрученный и затонированный «Мерс». ГАИшник чисто машинально махнул обгрызанной и давно некрашеной палочкой и «Мерс» послушно остановился. Опускается затонированное стекло и оттуда высовывается рука с зажатой сто долларовой бумажкой: – На, командир...

Мент хватает сто долларовую бумажку, прячет её в карман, отдаёт воинское приветствие и гаркает: – Спасибо! Счастливого Пути!

«Мерс» уезжает. На следующий день, мент начистил сапоги и вышел на перекрёсток. Ровно в двенадцать часов из-за поворота выезжает вчерашний «Мерс». Мент даже палочкой не махнул, а «Мерс» останавливается, опускается стекло и оттуда рука со сто долларовой бумажкой. И так каждый день. ГАИшник через некоторое время, купил новый дом, купил бабе норковую шубу. Дочку-дуру устроил на платное в университет, мотоцикл заменил на «Жигу», завёл классную любовницу в райцентре, сам поправился, округлился – приобрёл солидность. А тут бац – в одно не совсем прекрасное утро «Мерс» не появился. И на следующий день тоже. ГАИшник каждый день выходит на перекрёсток, а «Мерса» всё нету и нету. И денег нету. Дочка долбит его каждый день с областного центра – Папа, давай деньгу – мне надо платить за то, за сё..., Любовница, как клоп тоже сосёт деньгу, кредиты надо возвращать, пришлось «Жигу» срочно и по дешёвке сбавривать. Мент похудел, в глазах голодный лихорадочный блеск, но на

точку ходит как на службу исправно. И вот, в один прекрасный день из-за поворота выезжает знакомый «Мерс». Подъезжает, стёклышко затонированное опускается, а оттуда рука со сто долларовой бумажкой и голос: – Командир, на... возьми и извини меня. Я тут с семьёй на месяц на Канары смотался и классно оттянулся там...

– Нет, нет... ничего... Всё нормально. Счастливого Пути! – Мент принял под козырёк и проводил взглядом «Мерс». Потом поднял руку со сто долларовой бумажкой поглядел на неё и с ненавистью прокричал вслед: – Сука...! На мои бабки и на Канарах отдыхал...

Отсмеявшись, я спросил Володю: – Я всё-таки надеюсь, продолжение этой истории с уделанными ГАИшниками ещё услышать. Интересно, вернулся этот мужик и разборки продолжил?

– Да мне самому интересно. Но в эту пятницу не получится. Я с замполитом сговорился ехать в Чебару и вернуться в понедельник тоже с ним. А вот через неделю точно узнаю...

– Ты, что – на его «Запоре» едешь? – Удивился я.

– Да, а что?

– Да он же ездить не умеет. Он ни правил движения, ни правил вождения – ничего не знает. Он только рулит на дороге... Я с ним один раз проехал. Конечно, виду не подал, но когда вылез из машины, у меня дрожало всё. Он на дороге дурак. Повесил табличку «Инвалид» и шурует. Все иномарки и не только они от него шарахаются. Неее... Володя, категорически не советую.

– Да, ерунда, – легкомысленно отмахнулся товарищ, – самое главное за город выехать, а там трасса. Это ж не город, где того пропусти, этого обгони, здесь направо, а тут проезд запрещён. А обратно ночью поедем, вообще на дороге никого не будет. Зато спокойно сел и к подъёму приеду.

– Дело твоё, конечно, но я к нему в «Запор» сяду, только если мне прикажут и в этом будет крайняя необходимость.

Володя слегка озадаченно посмотрел на меня: – Что, так серьёзно что ли? Он же ездит и ещё никуда не влетел...

– Так он только месяц ездит и пока везёт.

– А, ерунда, – после недолгого раздумья, товарищ опять беспечно махнул рукой.

* * *

...Пролетела неделя. Понедельник – командирский день. На подъёме доложил командиру полка о нормальном положении дел в дивизионе и убрёл к себе в канцелярию попить чайку. Заварил покрепче, как я любил. Достал из сейфа окаменевшие пряники и с наслаждением сделал глоток ароматного напитка. На столе тихо звякнул телефон: – Подполковник Цеханович...

– Боря, ты у себя?

– Нет, это не я – это эхо, а сплю у себя дома. Ты чего, Вован, звонишь?

– Боря, я в жопе...

– Отличная слышимость. Не ожидал, что в заднице отличная проходимость волн...

– Тебя всё смеху...ки, а мне ведь хочется с кем-то поделиться яркими впечатлениями.

– Я надеюсь, что эти впечатления не будут касаться моей задницы.

– Ну, тебя к чёрту, Боря. Я иду к тебе.

– Давай, на чай ещё успеешь.

... – Ого, да ты ещё и пьяный. Ну, ты Вован и даёшь... Неделя только началась, а ты со сранья вдрабадан.

– Прав ты, Боря, насчёт замполита... Прав... Это я как в кабинет свой пришёл, так сразу стакан водки и навернул. Я же сегодня ночью в анекдоте побывал – это когда «Запор» въезжает в «Мерс». Вот мы его ночью на дороге и нашли... «Мерс»...

– Для побывавшего в таком анекдоте ты, Вован, хорошо выглядишь. Как правило, участники из «Запора», догнавшие «Мерседес» несколько по другому выглядят... Так сказать, внешне немного попорченные и финансово убого.

Вовка налил себе горячего чай, сразу же сделал крупный глоток и поперхнулся: – Чёрт, чёрт, какой горячий... И тут невезуха. Бить нас не били, а если б стали, то убили бы. Всё как в анекдоте – «Мерс» накрученный, вылезло их оттуда четверо и такие здоровыееее...

У Ильиных аж глаза закатились от пережитого ужаса.

– Ну, хватит переживать, давай рассказывай – Что у вас там произошло?

– Выехали из города мы, в принципе, нормально. Хотя я уже думал, что мы и не выедем. Действительно, он вообще не понимает, как нужно правильно ехать. Мы пока выезжали, раза четыре чуть сами не въехали и в довершении всего создали штук пять качественных предпосылок к ДТП. Ладно, выехали..., стало чуть полегче. Я вроде бы немного расслабился, а тут оказывается, что он дорогу совершенно не чувствует – то его выносит за осевую на встречу, то мы летим по щебёнке обочины и вот-вот свалимся под откос. И при этом он улыбается и весело, так беззаботно, что-то щебечет. На дорогу совсем не смотрит... Как доехали – не пойму? Мы же должны были убится ещё на первых пятидесяти километрах. Блин... я домой зашёл, а меня колотит. Ну, ладно, думаю. Обрато поедем ночью, может полегче будет. Вот ночью всё и произошло...

... Пропустив фуру, «Запор» с визгом шин выскочил на трассу Екатеринбург – Челябинск, лихо повернул влево, отчего зад машины слегка занесло, выравнивался и бешено помчался в сторону Екатеринбурга. Я незаметно перевёл дух и глянул на замполита, а тот по дебильному улыбался от такого эффектного поворота.

– Чёрт, если он меня не убьёт на последних ста километрах – то по приезду в полк напьюсь... – думал, что ночью буду спать, но когда выехали из ворот городка и чуть не протаранили автобус, стало понятно – не засну. Я ехал на пассажирском сиденье и выглядел со стороны наверно невозмутимым, даже слегка сонным. Но примерно раз в пять минут всё у меня внутри леденело от ужаса и понимания – что сейчас врежемся, здесь не вывернем, а там не успеем выйти из поворота... Но удивительно – всё проезжали, везде мы промахивались и пока ещё никого не убили и не убилсь сами. И лес по бокам дороги, как это не удивительно, тоже оставался целым. «Запор» безмятежно бежал по ночной дороге, бестолково и бесстрашно обгонял грузовики и именно в те моменты, когда встречные машины отчаянно мигали с опаснокоротких дистанций и ревом клаксонов обдавали нас, едва разминувшись. Вслед нам гудели водители обгоняемых машин, выражая своё негодование такой безбашенной езде. Замполит по делу и без дела включал дальний свет, ослепляя встречные машины и те тоже не оставались в долгу. Короче дорога обратно в полк получалась яркой и незабываемой. До полка оставалось 100 километров и на каждом этом километре этот урод мог убить меня, себя и других участников дорожного движения тоже. Что либо ему говорить было бесполезно, он лишь безумно скалился в ответ и в восторге орал: – Не ссыы... Володя – прорвёмся...

Вот мы и прорывались. Справа и вдалеке мелькнули огни Щербаковки: – Девяносто километров осталось, – успокоительно щёлкнуло у меня в голове и шансы доехать благополучно немного подросли.

Мы уже мчались по двухполоске и, слава богу, с обгоном остро вопрос уже не стоял. Но всё равно «Запор» опасно и бессистемно рыскал с одной полосы на другую. Вдалеке, на грани достижения света фар, замаячил огромный щит, сообщающий о границе Свердловской и Челябинской областей, а сзади нас появился свет догоняющего автомобиля, который быстро приближался, догнал нас и стал обходить. Всё бы ничего, но в этот момент машину замполита вновь понесло влево и мы с силой, с отчаянными воплями ударились бортами друг об друга. Лёгкий «Запор» отрикошетил от тяжёлого и квадратного «Мерседеса» и нас, крутанув на 360 градусов, через полосу выкинуло на обочину. Крики, вопли, короткий визг шин по

асфальту, резкие и сильные удары щебня об днище всё это слилось в оглушающий грохот и в беспорядочное мелькание пейзажа за окном. Замполит судорожно и инстинктивно крутил рулём и по всем физическим законам, мы должны были на такой скорости перевернуться через крышу несколько раз и убиты насмерть. Но в течение нескольких секунд калейдоскопа сменяемых картинок, мы не перевернулись и в конце-концов остановились в ста пятидесяти метрах от остановившегося сзади «Мерседеса». Двигатель заглох и на нас обрушилась оглушающая тишина. Я сидел, упершись руками в пластмассовую переднюю панель, и ошалело смотрел на свои пальцы, которые почему то не пронзили твёрдую пластмассу. Рядом тихо и неподвижно сидел замполит, судорожно уцепившись в руль и ничего невидящим взглядом смотрел через лобовое стекло куда-то вдаль. Осторожно отлепив пальцы от пластмассовой панели, я обернулся назад и глянул на иномарку, в которой открылись все дверцы машины и оттуда заторможенно вылезло четыре амбала в чёрных кожаных куртках.

– Григорий Иванович, нас по моему сейчас будут убивать, – замполит чуть скосил на меня глаза, потом на зеркало заднего вида, судорожно всхлипнул и вновь уставился вдаль, лишь крепче сжав баранку.

Здоровяки грудились слева от машины и стали рассматривать повреждения на боку своего автомобиля. Водили по ним пальцами, что-то неторопливо обсуждая и поглядывая в нашу сторону.

– Григорий Иванович, что будем делать? – Я уже немного отошёл от шока и ворочался в неудобном кресле пассажира, но замполит хранил гробовое молчание, продолжая пристально смотреть вперёд.

– Григорий Иванович, что делать будем...??? Ситуацию ведь надо как-то разруливать... – но зам командира был в ступоре лишь взгляд его из пристально-внимательного превратился в загнанный.

– Володя, – вдруг прорезался голос у замполита, – у меня ничего нет. Ни квартиры... ни денег... Я же с ними не смогу рассчитаться... – и подполковник вновь впал в более глубокий ступор.

– Ёлки-палки, – теперь в панику впал я, – значит, стрелы сейчас вполне возможно могут на меня перекинуться. Епонский городской... сейчас и меня подпишут на это дело. Вот это встрял... Что делать?

– Вальнуть, что ли их, пока на дороге никого нет и концы в воду? Всё спишут на бандитские разборки, – мелькнула шалая мысль и тут же утухла. Было бы оружие, а так... даже в драке против четверых амбалов нам не устоять и минуты, тем более что худой и щуплый замполит уже не боец.

Громили посоветовавшись на месте, неторопливо направились в нашу сторону, а когда они приблизились я вообще похолодел от ужаса, узнав водителя – это был тот крепыш с поста ГАИ с золотой цепью на шее.

– Григорий Иванович, нам звездец... я этих бандюг знаю, – Григорий Иванович тяжело вздохнул и совсем закаменел за рулём, а я приготовился к самому худшему. Если он так нагло разговаривал с ментами, то с обыкновенным майором...

Бандюганы подошли к машине и зловеще рассмеялись: – Глянь... глянь-ка... Гы-гы-гы... инвалид...

Посмеявшись, подошли с левой стороны и с интересом и удивлением стали рассматривать повреждения на «Запоре».

– Ни фига себе, вот тебе и «Запор»... Да у него только чуть-чуть, а у нас чуть ли не пол бочины... Смотри, правду говорят, что на советских машинах железо качественней и толще. Броня... Во, блин, даже зеркало не снесло... – обсуждая в таком духе, громили заглянули в кабину и внимательно оглядели нас.

– ...А я того майора знаю, – обрадовался крепыш, – даже помню, что он командир танкового батальона.

Все переместились к моей дверце и у меня обречённо мелькнула мысль: – Значит, меня будут бить первым...

Крепыш постучал костяшками пальцев в стекло: – Командир, опусти...

Я энергично и с надеждой закрутил ручку опускания стекла, как это не парадоксально, но пострадавшая сторона вела себя довольно миролюбиво.

– Ты, наверно, с 32го военного городка? – Крепыш наклонился, опёршись локтями на дверцу, глядел на меня.

– Да, а что?

– Да нет, ничего. А это что за инвалид рулём? – Водитель кивнул на Григория Ивановича, изображавшего из себя статую «Каменный гость».

– Это замполит полка.

– Нормальный хоть мужик?

– Нормальный...

– А чего он молчит?

– Думает... наверно...

Крепыш отлепился от моей дверцы и вместе со всеми обошёл машину спереди и также вежливо постучал в стекло водительской дверцы. Григорий Иванович, вдруг очнулся и лихорадочно закрутил ручкой бокового стекла.

– Да..., – испуганно проблеял замполит.

Крепыш улыбнулся, помолчал и спросил: – Ну и сколько у инвалида в кармане денег?

– Две с половиной тысячи, – вновь проблеял замполит, а у меня захолодело сердце.

– Начинается... – сверкнула в голове.

– Давай их сюда.

Григорий Иванович засуетился, стал судорожно шарить руками по карманам и через несколько секунд протянул тощенькую пачечку измятых купюр. Крепыш аккуратно расправил денежные знаки, пересчитал и неожиданно вернул пару банкнот обратно.

– Ты две семьсот дал. На двести обратно... Ладно, инвалид, повезло вам. Езжайте...

Амбалы до этого молчавшие и с интересом наблюдавшие за своим, явно главарём, вдруг возмущённо загудели: – Ты, чё... отпускаешь их? Пусть платят...

Но крепыш резко оборвал своих подельников: – Тихо... моя машина и я решение принимаю... Всё, езжайте, вопрос закрыт.

Григорий Иванович тут не сплеховал, машина завелась мгновенно и так стартанула с места, что я мгновенно вспотел, увидев как щёбёнка словно пули полетели мимо оставшихся на дороге. Через пятьдесят метров я очнулся и неистово заорал: – Григорий Иванович, Стой!!!

– Чего – Стой! Газу отсюда надо... – иступлённо закричал в ответ подполковник.

– Стой – я говорю...

Машина, завизжав колёсами по асфальту остановилась, а я открыв дверцу выскочил на дорогу, коротко бросив через плечо: – Я сейчас..., – и побежал в сторону остановившихся, на визг колёс, удивлённых мужиков.

– Слышь... Погоди... – я подбежал к криминальщикам и, запнувшись спросил, – слушай, а ты с ментами потом разобрался?

Крепыш беззаботно рассмеялся и повернулся к подельникам: – Я вам рассказывал про ментов, как я их сук гнул, а он свидетелем был. А что ты их знаешь?

– Да, нет. Я там просто стоял... попутку ловил... Ну так что, разборки прошли или как?

– За базар я всегда отвечаю, так что без «или как». Не получилось разборок, я туда через полчаса приехал, а они все умотали. Зассали... Закрыли пост на замок и ВСЁ. Я там минут

двадцать ещё стоял, ждал – Вдруг приедут? А потом плюнул и уехал, всё равно где-нибудь попадутся. Рожи я их запомнил.

Крепыш повернулся к товарищам и кивнул им на машину: – Я сейчас приду, с командиром только побазарю немного.

Бандюганы пошли к машине, на ходу закуривая, а крепыш снова повернулся ко мне: – А ты что и вправду командир танкового батальона? И танки есть?

– Да, а ты кто? – Крепыш мне всё больше и больше нравился. Хоть он явно был бандитом и довольно крутым, вполне возможно авторитетом, веяло от него чем то положительным, не то что от его сопровождающих.

Авторитет достал сигареты и неспешно закурил: – Да кто я – для тебя неважно. Я вот тоже когда-то хотел и стремился стать офицером, но... не сложилось. А так, если перевести моё положение на ваше армейское, то я буду повыше, чем ты. Полковник и если повезёт, то скоро вылезу в генералы. Ну... если только повезёт... – Вроде бы он хвалился и должен был с гордостью говорить о своём высоком положении в криминальном мире, но в голосе проскакивало некое сожаление. Помолчал немного, потом оживился и спросил.

– Да, кстати, а сколько сейчас командир батальона зарплату получает?

– Три тысячи с копейками.

– Три тысячи...! – Удивился собеседник, – я думал больше...

Он сунул руку в карман и достал приличную пачку денег, потом пошарился в других карманах и к пачке добавил ещё с десятков купюр: – Во... тут около сорока тысяч – это мои личные карманные расходы. И то это ну... недели на две... наверное. Как же можно жить на те деньги, которые ты получаешь? Ты молодой, тебе же и трахаться надо и выпить с товарищами...

Я усмехнулся: – Ты знаешь – на всё хватает. И на то и на это... Зато спокойно живу.

Крепыш рассмеялся: – Тут ты прав. Насчёт спокойствия. У меня квартира на первом этаже, так решётка на лоджии закрывается на замок и ключ всегда лежит дома на видном и легкодоступном месте. Это чтобы ночью мигом уйти через лоджию, если менты, или свои неожиданно завалятся. Так что, если по честному, то лучше иметь твои деньги и спать спокойно. Так что служи, майор, и зарабатывай полковника своим путём. Ладно, давай, – удачи тебе.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

– Вот, Боря, и думай как хочешь. Среди них, оказывается, тоже нормальные бывают.

– А замполит где?

– Тююю... да он погнал куда-то на Елизавет. Там у него есть покупатель на «Запор». Сказал, что он больше не ездок.

Мы помолчали, я подогрел чай и разлил по новой, а когда выпили по пол кружки, решил Володе рассказать про своего друга, который совсем недавно попал в похожую историю, но с другим концом.

– В соседнем полку, Володя, у меня друган есть. Подполковник, нормальный и резкий мужик. Недавно купил машину. Ну и естественно за рюмкой мы тоже обсуждали такую ситуацию, а что если...? Лучше платить или идти через суд? Друг, говорит – никогда. По хер, что они криминальщики. Хер им. А тут на той недели приходит ко мне и говорит – Боря, дай мне в долг десять тысяч рублей на полгода. Я верну тебе с процентами. Я ему говорю – Ты что? Какие проценты с друзей? Я тебе дам десять тысяч. А потом спросил – Зачем ему деньги?

Он помялся и рассказывает: Ехал по дороге и чиркнулся бортами с крутой иномаркой. А там сидели бандюганы. Вот сейчас и занял денег, чтобы перекрасить им машину. Ты что ли бортанул их? – Спрашиваю его. Он говорит – Нет, они виноваты были. Так что ж ты им перекрашиваешь?

Товарищ тяжело вздохнул: – Да я тоже сначала упёрся, когда они потребовали либо бабки, либо перекраски машины. Несмотря на их угрозы, я сказал – Нет. Ни то, ни другое. Вызываем ГАИ. Приехало ГАИ. Капитан там нормальный оказался. Бандюги на него тоже

попытались наехать, чтобы он в их сторону составил протокол. Но тот их послал на три буквы и как положено всё зафиксировал, в том числе и то, что они виноваты. Потом отводит меня в сторону и говорит – Товарищ подполковник, они виноваты и я всё сделал, как положено. Но мой человеческий совет – перекрась им машину иначе они тебя, твою семью зае...ут, разденут и нищим оставят и никто тебя не защитит. Вот пришлось с бандитами договориться по перекраске.

– А как же слова – Никогда!

Друг зло сплюнул и говорит: – Это хорошо так рассуждать на лавочке перед подъездом – пока сам не попадёшь в такую историю и всё это не испытаешь на своей шкуре.

– Так что, Володя, повезло вам с замполитом...

Из серии «Армейские будни»

Комдив

Вид у меня наверно был ещё тот... Немцы, до этого вольготно и спокойно сидящие по всему вагону, увидев ввалившегося к ним с матом и грохотом военного русского, благоразумно пересели в дальний конец вагона и с опаской оттуда глядели на меня – взбудораженного, дымящегося, с дрожащими руками, справедливо ожидая длинной автоматной очереди. Они испуганно вздрогнули, когда я с ненавистью посмотрел на них и беспощадно изрёк, сквозь почти сжатые губы – БЛЯДЬБЬБЬБЬ...!!!!

Да... всё было именно так и хлестанул бы автоматной очередью... Но... но... Война закончилась тридцать один год тому назад. Да... дымился, и руки дрожали и ненависть была. Но вот немцы были не те... покорно ожидающие мести, и я видел, как двое из них быстренько улизнули в другой вагон, явно за подмогой.

И то что дым от моей одежды шёл, был не дым, а пар. Да парил... При плюсовой температуре. Да... такие мы русские... Если что-то делать, то вот так – на износ. Чтoб ты был весь мокрый, хоть выжимай и пар шёл отовсюду. Попробуйте немцы, по доброй воле пробежаться с тяжелеными чемоданами три километра за двадцать минут и не умереть. Вот и руки дрожат... А что ненависть!? Такая хорошая, глубокая и здоровая!? Так это не к ним, а к командиру дивизиона подполковнику Хончи. Саксаулу... Блядь, его возьми...!!!!

Всё-таки, как у немцев всё чётко. Прошло всего одна минута и в вагоне нарисовались контролёры, вернее контролёрши. Две здоровые, дебелие немки в железнодорожной форме, с охеренными жопами в синих форменных штанах, с бюстами, от вида которых все элитные коровы умерли бы от зависти и с невозмутимостью на деревянных кельтских лицах. Но в глубине глаз у них плескался страх. С русскими, особенно когда они в нехорошем состоянии, или в алкогольном кураже даже полиция старалась не связываться. Не знаю, что им там наговорили, но когда увидели молоденького русского... Ну да... мокрого от пота, взбудораженного, но трезвого, сидевшего как на иголках у крайнего окна, но смиренного... Облегчённо вздохнули и уверенность вернулась к ним, и они со строгостью в голосе потребовали билет. Поезд уже минут как пять старательно стучал по рельсам и билета у меня не было. Но у немцев не принято за это высаживать. Я тут же купил билет до Дрездена, заплатив при этом штраф в две марки.

Потусовавшись с пару минут в вагоне, контролёрши ушли, а я расслаблено откинулся на спинку и в вагон вернулось спокойствие и умиротворённость. А у меня наконец-то возникло стойкое ощущение, что я в первом своём прапорщиском отпуске и целых два месяца буду балдеть в Союзе.

Думал, что меня отпустят в отпуск где-нибудь в декабре, а он свалился внезапно в сентябре, и мне пришлось ещё три дня протусоваться в полку, пока был готов ехать. Уехал бы сразу – всё было бы спокойно. Но вот пока закупался подарками, пока приоделся, пока то... сё... А тут вчера вызывает меня командир дивизиона подполковник Хончи.

– Цеханович, ты же завтра домой едешь?

– Так точно, товарищ подполковник..., – браво и радостно отрапортовал.

– Слушай, Цеханович, у меня в Бресте сын живёт. Не передашь ли ты ему небольшую передачку? Всё равно ведь целый день в Бресте болтаться будешь...

– Да никаких вопросов, тем более говорите она небольшая

– Небольшая, небольшая, – засуетился командир дивизиона, – ты вечером, чем занимаешься? Я б занёс её...

– Да чего вам, товарищ подполковник, заносить. Я сам зайду.

– Да я занесу, ты не беспокойся...

Я и не беспокоился. Занесёт – так занесёт.

Вечером у меня было всё готово. Всё уложено в два чемодана «Гросс Германия». Там как раз оставалось местечко под небольшую передачку. Сел с ребятами, с кем проживал в комнате, и понеслось у нас обмытие моего первого отпуска. Одна бутылочка, вторая... Я то «придерживал коней». Мне вставать рано утром и на вокзал переться, а ребята «веселились». Время было около десяти вечера, а командира с передачкой всё не было. Ну, и чёрт с ним. Это его проблемы. Но вот когда мы уже практически заканчивали, в пол двенадцатого ночи, и как всегда не хватило и мы уже начали решать где «Её» достать, в дверь застучали. Сначала зашёл командир дивизиона, а в след за ним «Небольшая передачка», которую еле пёрли четыре бойца. При виде этой передачки, я даже слегка протрезвел и от удивления, смешанного со здоровым изумлением – засвистел руладами.

– Во... Цеханович, принимай...

Я немо открывал рот, наблюдая, как бойцы с красными от натуги лицами осторожно ставят чемодан «Гросс Германия» рядом с моими и туда же опускают нечто большое, обшитое куском серого брезента.

– Вот... – довольно произнёс командир дивизиона и мне только и осталось, как подняться со стула и подойти к «передачке». Чемодан – килограмм на тридцать. И баул... ну... он легче, но блин громоздкий и неудобный для ношения в руках.

– Товарищ подполковник, вы же говорили что небольшая передачка, – жалобно запищал я и кивнул на два свои чемодана, – у меня же вон, своего на две руки.

– Да ты что, Цеханович? Такой здоровый парень, не дотащишь что ли? – И бац на стол бутылку водки, которая тут же всё и решила. Ребята, присмирившие при виде подполковника, сразу оживились и загомонили: – Да ты что, Боря? Товарищ подполковник, не беспокойтесь – мы ему поможем всё это дотащить до вокзала.

Я тоже был изрядно датый, что и решило всё. Махнул бесшабашно рукой: – А... всё будет нормально, товарищ подполковник. Давайте адрес.

Передача бумажки с адресом, короткий инструктаж и подполковник исчез, пожелав хорошего отдыха. Но, блин, эта последняя бутылка и сыграла херовую роль. Если её не было, начало отпуска было бы более позитивным. А так, в полчетвёртого утра я не сумел разбудить друганов и пришлось оперативно решать задачу с четырьмя единицами багажа, каждый из которых можно было взять только одной рукой. А до вокзала было километра три. Но ещё не прошедший хмель, плюс дурной военный азарт и я, с весёлой злостью, пошёл с тремя чемоданами и баулом, решив попасть на пятичасовой поезд. Причём, делал это следующим способом. Брал в руки два чемодана и скорым шагом двести метров вперёд, потом лёгким галопом возвращался назад, брал чемодан и баул и в том же темпе возвращался к своим чемоданам, но не останавливался, а шёл вперёд ещё двести. Потом возвращался за теми и вперёд. Блядь. Таким челночным методом прошуровал первый километр и из меня вышел весь алкоголь и дурной, военный азарт. Зато злость достигла хоть и не пиковых значений... Но... я просто от неё кипел. Второй километр был тяжелее, но в том же ударном темпе и на мне всё было мокрым. А тут я увидел, что до поезда осталось двадцать минут и не успеваю. Можно было сказать – да и хрен с ним, с пятичасовым. Поеду на следующем, через сорок минут. Но нет же... Я же упёртый..., Телец... да ещё в жопу военный... Как же – назначил себе пятичасовой, значит и должен на этом поезде и уехать....

Я надул щёки, вспомнив последние двадцать минут перед поездом, выпустил воздух и тихо засмеялся. В течение этих двадцати минут был качественный галоп с препятствиями и с тяжестями в руках. Если посчитать этот челночный бег, то получается..., получается... Получается три километра на одном километре. Как я бежал... как я бежал... С чемоданами и баулом в руках... Как красиво и одновременно страшно бежал... Слава богу, для немцев пол

пятого утра тоже было очень рано и они не могли в панике разбежаться, видя дико мчавшегося по улице русского, обвешанного чемоданами и баулами.

За полтора часа езды успокоился и уже сам удивлялся своей ненависти к командиру дивизиона.

Да нормальный командир дивизиона. Ну, туркмен... Цивилизованный и образованный. Не то что бойцы-туркмены – сразу видно, что они с пустыни и простые дехкане. И никогда не подымутся выше своего аула. А наш подполковник нормальный артиллерист и как командир дивизиона на высоте и не выбивался из общего ряда командиров дивизиона. Он дослуживал в Германии и через год собирался уходить на пенсию. Как у любого офицера у него были свои «примочки», над которыми подчинённые, как правило, доброжелательно посмеиваются. Так у него было любимое слово – «сэндвич», которое он использовал в разных ипостасях. Но больше любил его есть. Так он запросто мог оборвать офицера, заявив: – Хорошо, я сейчас съем сэндвич и подумаю над этим вопросом... – и доставал. В зависимости от обстоятельств, либо из ящика своего стола, либо из полевой сумки здоровенный бутерброд с колбасой и ел его. Или в лагерях мог пройти на ПХД и попросить повара: – Ну-ка сооруди мне, сынок, сэндвич... – и боец на огромный кусок хлеба выкладывал толстым слоем тушняка. Поэтому, когда мы были в настроении, то доброжелательно говорили: – А вот наш «сэндвич»...

А когда были в гневе или в не хилом возбуждении, вспоминали национальность и к слову «сэндвич» припечатывали: – Саксаул... Ёкарный бабай...

А так – Да... нормальный командир. Но всё-таки... С «небольшой передачкой» он хорошо нагрел меня.

Придя, за время поездки в поезде, в окончательное отпускное настроение, бодро вышел на перрон Дрезденского вокзала. Но здесь меня ждал досадный сюрприз. Мне парни говорили: – Ты на вокзал приедешь, а там зал для советских отдельный и спокойно вещи можно оставлять и погулять по городу до поезда...

А тут зал есть, но, блядь, он закрыт. Да ёп...панный... Что за невезуха... Ну, куда теперь? Зал откроется через два с половиной часа и теперь что ли с тремя чемоданами и баулом ползать по вокзалу? Был бы один, да с двумя своими чемоданами... Куда-нибудь бы пристроил и был свободен.

– Да пошло оно на хрен..., – быстро, по военному, раздражённо, а также безбашенно махнул про себя рукой, бросил посередине прохода свой и командирский багаж и спокойно. Конечно, не совсем спокойно, но побрёл в сторону вокзального ресторана. Я уже знал, что в Германии не воруют. Как немцы говорят – У нас, в Германии, замки появились, когда вы, русские, нас захватили. А месяц назад я сам был свидетелем честности одного немца. Месяца три до того, зашёл я с покупками в один небольшой магазинчик. Купил какую-то там мелочёвку и ушёл. И уже в общаге обнаружил, что где-то «посеял» небольшой, но красивый фотоальбом с видами нашего города. Ну... потерял, так потерял. Что теперь поделать? А месяц назад забрёл я в этот магазинчик и немец, хозяин магазина, кинулся обрадованно ко мне. Что-то радостно лопочет. Пока не стал совать мне альбом. Я уж забыл про это, а он помнил, хранил и ещё извиняется, что целофан на обложке чуть надорван – Ребёнок, мол, чуть подпортил....

Вот я и пошёл. Перекусил жареной курицей в вокзальном ресторане и не спеша побрёл в сторону дворцового комплекса «Цвингер», где располагалась картинная галерея и где я забыл и про чемоданы и про отпуск тоже, стоя разинув рот перед потрясающей картиной Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Сколько раз смотрю на неё и столько раз тону в её глазах. Не знаю, как на других она действует – но я всегда тону, даже не сопротивляясь. Огромных размеров... Где-то три с половиной метра на два... И сюжет банальный Мадонна с младенцем на руках. Но всю эту картину освещают живые глаза Мадонны. Я, когда первый раз увидел – так и замер, простояв напротив картины около часа соляным столбом.

...Я шёл обратно к вокзалу и начинал слегка волноваться. Немцы – немцами, а всё-таки – Вдруг украли? Ладно бы мои вещи, но там же – чужие. Меня ведь потом комдив сожрёт. С потрохами сожрёт, вместо сэндвича. Зашёл через центральный вход в огромный вокзальный холл, медленным шагом прошёл вперёд и свернул налево в широкий коридор, где в его глубине и был небольшой советский зал, около которого бросил чемоданы с баулом.

– Оп-па-на... – чуть ли не весело воскликнул про себя, глядя на пустое место, где я бросил вещи, – а говорят у немцев не воруют... Вот ты ж блин...!!!!

– Так, Боря, и что теперь делать будем? Ведь если я сейчас не найду командирские вещи – с отпуска можно не возвращаться. Ладно, спокойно, главное спокойствие...

Я удивлялся своему спокойствию и также спокойно оглядел коридор и даже не удивился, увидев свои вещи в углу, куда их передвинули, чтобы не мешали проходу.

Дальше, а дальше было всё нормально. Покупка билета, поезд, купе в последнем вагоне, Франкфурт на Одере, где немного повеселился. Поезд остановился у перрона и народ шустро разбежался по своим делам: кто в гаштетт, кто погулять по городу и по магазинам. Благо мы тут стояли около трёх часов. Я ещё когда ездил в отпуск на срочке, знал про это и то что в это время поезд перегоняют к другой платформе. Поэтому вышел на перрон и решил подождать этого момента, чтобы потом уже спокойно выйти и погулять вокруг вокзала. Следом за мной вышли два молодых лейтенанта с соседнего купе, ехавшие в Союз на какие-то сборы. Они покрутились немного, посоветовались и направились к подземному переходу. И когда они начали туда спускаться, послышался гудок тепловоза, лязгнули вагоны и наш поезд плавно тронулся вперёд.

Я в это время стоял в тамбуре и видел округлившиеся, неверящие глаза летёх: – Как так...? Почему он поехал? А мы...?

Я засмеялся и это их мгновенно вывело из ступора и лейтенанты помчались на выход из подземного перехода. Выскочили на платформу и сразу же рванули вслед поезду, набиравшему скорость и удаляющийся в сторону Польской границы. Они может и догнали бы последний вагон, но платформа кончилась, они прыгнули на землю, потеряв драгоценных несколько секунд, за которые поезд прибавил скорости.

Я сначала кричал, останавливающе махал руками, пытаюсь донести до них – Что поезд сейчас вернётся... Правда, к другой платформе.

Но потом бросил это бесполезное действие, с интересом глядя на мчавшихся изо всех сил офицеров и смеялся. А также весело прикидывал – Догонят или не догонят? Это продолжалось километра два и весь этот путь пролегал по территории крупного железнодорожного узла, со множеством путей, стрелок, столбиков, фонарей и другой наземной железнодорожной инфраструктуры. Так что лейтенантам можно было этот бег смело зачесть в «Бег по сильно пересечённой местности». Поезд стал снижать скорость, что лейтенанты посчитали – что догоняют. Ещё прибавили ходу, зацепились за поручни и наконец-то заскочили в задний тамбур.

Загнанно дыша, мокрые от пота, вытаращенные глаза, красные лица и счастье в глазах от осознания – УСПЕЛИИИииииии.... ДОГНАЛИИИииииии... Чёрт побери... они сделали ЭТО-оооооо.... А меня загибало от смеха, в попытке рассказать, что я сегодня утром был в точно таком же положении, но бежал только с чемоданами и баулом. Пытался и снова заходил от смеха...

Поезд тем временем остановился, гуднул где-то там вдали и пошёл обратно. Смеяться я уже не мог, лишь похрюкивал, глядя на недоумевающие лица летёх. Но с новой силой зашёлся, увидев округлённые в удивлении глаза офицеров, когда вагоны остановились около соседней платформы...

Ночью, в Польше, они снова отличились. Проснулся я от стука в окно. Поезд тихо стоял на какой-то польской, забытой богом, станции. Опустил окно, высунулся и увидел внизу двух

поляков, которые ходили вдоль вагона и стучали в окна. Из соседнего окна, точно также торчали головы лейтенантов.

Поляки продавали за немецкие марки порнографические журналы, спичечные коробки с изображёнными на них опять же голыми бабами и разную другую порнографическую дребедень. У меня было десять марок и я высунулся чуть ли не по пояс и купил оригинальную шариковую ручку, где внутри прозрачного корпуса, в жидкости виднелась фигура женщины. Если держать ручку нормально – то она была одета в платье. Если ручку переворачиваешь, то платье соскальзывало с фигуры, обнажая женские прелести. Занятная вещица. В общении с поляками я держался настороженно, зная их гнусную сущность. А неопытные летёхи, оживлённо общаясь с ними, были неосторожны. Тепловоз в голове поезда гугукнул, предупреждая о начале движения, и в этот момент оба продавца одновременно подпрыгнули, сорвав с рук офицеров часы, и побежали от поезда, сопровождаемые возмущёнными воплями и бессильным матом. А часики то у них были шикарные... Ну... Ничего – опыт дело наживное.

В Брест поезд прибыл в половину десятого утра и народ, толкаясь и поторапливая друг друга, активно ринулся на выход. Я не торопился, подождал немного и только тогда вылез со своим багажом из вагона, прикидывая как мне ловчее попасть в багажное отделение и сдать свои чемоданы. Конечно, все носильщики уже были расхватаны и мне предстоял знакомый челночный ход, но уже с короткими пробежками иначе чемоданы упрут только так. На перроне загружали свои тачки последние носильщики. Я подёргался туда – сюда, тяжело вздохнул и попёрся к переходу. Но на половине пути мне несказанно повезло. За проволочной изгородью, разделяющую пополам перрон и отделяющую небольшое здание пригородного вокзала от пассажирского «Брест-пассажирский», по перрону катил свою тележку носильщик с одним чемоданом, а сзади него гордо шефствовал и сам хозяин чемодана.

– Шеф... – заорал я носильщику и запрыгал, махая руками и привлекая внимание, – шеф, давай сюда.

Носильщик повернул лицо, густо покоцанное оспой, и солидно пророкотал: – Не видишь, сынок, я клиента обслуживаю...

Владелец чемодана, явно местного проживания, тоже с осуждением бросил на меня взгляд и попытался сделать замечание. Но я уже был «в атаке»: – Какой на хрен клиент? Это я клиент – плачу десятку за четыре чемодана... И за его чемодан тоже...

Эффект был мгновенный. Тележка мигом остановилась и носильщик тут же снял чемодан и поставил его на пыльный асфальт перрона: – Тут вам немного осталось. Сами донесёте... – и, не оглядываясь на возмущённые вопли мужика, ринулся к проходу, чтобы зарулить ко мне.

Дальше пошло весело. Закинули мои чемоданы, баул и мы сначала подскочили к багажному отделению, куда сдали мои чемоданы, потом к полевому банку, отделение которого размещалось с другого конца вокзала. А через пятнадцать минут я грузился в такси.

Дверь квартиры мне открыла красивая блондинка. Ни фига себе. Она мило улыбнулась и я затащил «небольшую посылку» в квартиру. А тут из комнаты вышел и сын командира, которого я узнал по фотке. Совсем не похож на туркмена и такую русскую молодую жену себе отхватил. Ну что ж... Всё правильно – дети должны жить лучше, чем родители.

Меня усадили за стол, пошли расспросы про отца – Как здоровье? Как у него дела? И мне пришлось всё подробно рассказывать. Подробно, но не всё. Наверно всё и не надо им знать. Например, как он приболел в летних лагерях. И как хитрым своим азиатским умом сумел раскрутить начальника госпиталя, отчего офицеры потом с неделю смеялись...

За несколько дней до заключительных учений на полигоне Либберозен, наш комдив приболел. Где-то просквозило, прохватило и нашего командира качественно загнуло.

– Товарищ подполковник, – обратился он к командиру полка, – разрешите мне. Тут недалеко, в местном госпитале немного подлечиться, так чтоб к учениям я выздоровел...

– Да, конечно... Давайте лечитесь. Только сделаем следующим образом. Я даю вам свой УАЗик, полкового комсомольца капитана Гранкина старшим машины и езжайте. Через четыре дня капитан Гранкин приедет за вами. А так спокойно лечитесь... Вы нам тут нужны здоровым...

...Начальник госпиталя майор Семёнов стоял у окна кабинета, курил и грустно смотрел в окно. Было о чём погрустить. Два года в Германии. Думал здесь выбиться повыше и в место получше, а всё как-то не получается. Жене, в отличие от него, после Забайкалья всё здесь нравится.

– Дура... Не понимает, что можно и лучше... Вот как вырваться из этого круга? Как...? – И тут он может быть впервые подумал о «паровозе». Если нет «блата» – нужен «паровоз». Только вот где его взять, в этой немецкой глуши...?

И тут он наблюдает подъезжающий новенький УАЗик и останавливается у центрального входа небольшого госпитального здания. Открывается передняя дверца и оттуда выскакивает подтянутый и молодцеватый капитан, с перекинутым через руку, аккуратно сложенным плащом с подполковничьими погонами, почтительно открыл заднюю дверь автомобиля и уважительно помог выбраться оттуда солидному подполковнику.

– Ух ты... Капитан адъютант... Ух ты... вот он мой «паровоз», – непонятно с чего решил начальник госпиталя и уже летел на выход.

– Начальник госпиталя, майор Семёнов. – Bravo представился майор, косясь на капитана, вытянувшегося в струнку рядом с чемоданчиком в руках, – разрешите узнать цель прибытия...

– Здравствуйте, здравствуйте, товарищ майор, – закричал командир дивизиона, окинув начальника госпиталя внимательным взглядом и мгновенно просчитав всё свое поведение, – вот подлечиться приехал, чтоб через несколько дней перед московской комиссией предстать... Как, товарищ Семёнов, вылечите?

– Вылечим, товарищ подполковник, – жизнерадостно заявил майор и осторожно прозондировал почву, – проходите в приёмное отделение и как вас записать?

– Комдив я... Подполковник Хончи, – у майора сладко ухнуло сердце и пока он вёл комдива в приёмное отделение, перед его глазами проскочил целый ряд ярких картинок. Командир дивизии – раз азиат и командир дивизии, значит у него не просто блат, а в его республике близкие родственники в «самом верху» – вылечиваю, выворачиваюсь перед ним наизнанку, но завоёвываю его доверие, а он в благодарность шепнёт моему начальству и через некое время я в крупном госпитале, на тёплом местечке.

А в это время из самой лучшей палаты, с отчаянным визгом маленьких кроватных колёсиков, под непомерное удивления пациента в простеньком чине – «майор», выкатывали кровать. А саму палату быстро приводили в порядок, что подразумевало – появление там цветного телевизора, новых штор, полированного столика с двумя креслами, работающего холодильника с уже охлаждённой водкой из личных запасов начальства. Самое главное и пикантное – жёстко инструктировалась высокая, стройная и сексапильная медсестра – Как быть одета, как себя вести и в конце инструктажа отчаянное обещание.

– Лена... Лена... не подведи меня и я тебя тоже не забуду...

Уже в палате, оглядев все эти блага, командир дивизиона похвалил начальника и тот аж расшаркался перед пациентом. Но потом спохватился и представил медсестру Лену, смотрящую на него жадным взглядом и просчитывающую в уме – Какие выгоды от этого знакомства она могла тоже поиметь? И здесь всё было более примитивно, хотя и ярко.

До вечера подполковника хорошо промяли, провели ряд эффективных медицинских мероприятий, от которых Хончи стало гораздо легче. А вечером в палате нарисовался начальник госпиталя. Выпили, пошла «задушевная» беседа, в которой майор Семёнов, «разливаясь соловьём», прямо и откровенно высказал свою мечту. Командир дивизиона тоже не молчал и вся беседа прошла с его стороны так, где слова – Комдив, московская комиссия, командующий

армией и вообще разные другие «приятные» для майора слова, так и сыпались. Но ни разу старый туркмен не прокололся.

Через четыре дня перед госпиталем нарисовался УАЗик, а капитан Гранкин в палате у командира дивизиона. Забрал собранный чемоданчик и пошёл к машине, а начальник госпиталя остался в палате, чтобы выпить «на посошок». За эти четыре дня он сумел «войти в доверие» и сейчас готовился к откровенному разговору и изложению просьбы.

А в коридоре Гранкина перехватила сексапильная медсестра Лена: – Товарищ капитан. . . . . – глубокоим, манящим и грудным контральто заворковала и закрутилась около комсомольца полка.

– Товарищ капитан, а в каком городе стоит ваша дивизия?

Гранкин, облизнулся на полуоткрытые прелести медсестры: – Дивизия стоит в Витенберге, а наш полк в Ошаце.

– Какой полк? – Вскинулась Леночка.

– Артиллерийский, мадам. . . – шаркнул Гранкин ногой, прокручивая разные варианты в голове.

– А вы что! Не адъютант подполковника? – Упавшим голосом произнесла медсестра, понимая недалёким женским умом о накрывшихся мечтах.

– Нет, мадам, – продолжал Гранкин, плотоядно пожирая молодую женщину глазами, – я комсомолец полка, а подполковник Хончи – командир дивизиона. . .

Леночка разочарованно хлопала пушистыми ресницами, вспоминая, все свои усилия и телодвижения, а потом внутренним взором глянув на лопнувшие мечты, звонко и заразительно рассмеялась. На смех выглянул в коридор начальник госпиталя и на его недоумённый взгляд, медсестра ткнула сначала пальцем в Гранкина, а потом в подполковника Хончи, вышедшего в коридор.

– Он – комсомолец полка, а он командир дивизиона. . . – и опять засмеялась, закинув красивую головку к потолку.

Вот именно этот момент любил красочно описывать капитан Гранкин, когда появлялся благодарный слушатель. Ярко и образно описывал, как от смеха красиво колыхалась грудь Лены и как кисло вытянулось лицо начальника госпиталя. . .

Я вышел из квартиры через полчаса, напоенный чаем и остановился на оживлённой улице, вдруг осознав, что впервые за три года был предоставлен сам себе – нет личного состава, который надо «пасти», нет командиров, стоявших над тобой и только и думающих – как бы тебя озадачить. Нет занятий, суточных нарядов. Ничего этого нет – и впереди целых два месяца СВОБОДЫ. С хорошими деньгами, настроением и мечтами. Я бездумно посмотрел направо, потом налево и пошёл прямо, через улицу в сторону Брестской крепости.

Кооператив Домниц

– А тут, герр офицер, кладовая для хранения лимонада и минеральной воды, – Пауль вставил в замочную скважину несколько вычурный ключ, два раза звучно и сочно провернул его и открыл дверь. Небольшое помещение было доверху набито ящиками с тускло отсвечивающими в них бутылками с газировкой. – Тут у нас «Vita Cola», лимонад нескольких видов и минеральная вода. Если не хватит, дня за два скажите – восполним. Вот вам ключ.

Пауль передал мне ключ и, повертев его пальцами, я слегка озадаченно спросил, кивнув головой во внутрь помещения: – А для чего это?

– Как для чего? – Удивился Пауль, – пить...

– Так вот вода... Захотел солдат, подошёл к крану с кружкой, набрал и напился. – Дверь кладовки с напитками выходила в небольшую уютную умывальную комнату на десять кранов, красиво облицованную кафельной плиткой. Директор сельскохозяйственного кооператива «Домниц» Пауль Циммерман сам лично показывал небольшое, уютное общежитие, где мы будем жить последующие три месяца. Мы уже осмотрели светлые и просторные комнаты на два человека с цветным телевизором и отдельным туалетом. Зашли в небольшую столовую, показали мне бытовую комнату и ряд других помещений. Всё это я должен был принять у немца и следить, чтобы мои солдаты не дай бог, за три месяца, не разбабахали всю эту немецкую культуру. И умывальная комната с помещением кладовки были последнее, что осматривали.

Я снова показал рукой на ряд белоснежных раковин: – Вон оттуда и будем пить...

И как бы подтверждая мои слова, в умывальник зашёл рядовой Анпилов и, приложив руку к головному убору, спросил: – Разрешите напиться, товарищ прапорщик.

Я кивнул головой и обстоятельный по характеру солдат, под нашими любопытными взглядами, неторопливо открыл кран с водой. Пропустив воду и убедившись, что она холодная, Боря Анпилов наклонился к латунному крану, обхватил глубоко его губами и стал с утробным глыканьем шумно пить воду, заставив меня коротко хохотнуть, а Пауля удивлённо улыбнуться.

– Не... герр офицер, у нас не принято пить воду из-под крана. Пусть солдаты пьют лимонад.

– Ладно, с этим разберусь. Господин Пауль, я сейчас поставлю задачу солдатам, чтобы они въезжали в комнаты, а мы пройдем на место работы и вы там поставите остальные задачи.

Через сорок минут, оглядев весь производственный комплекс, я полностью владел всей информацией. Очень облегчало понимание и то, что директор кооператива неплохо говорил на русском языке. Обговорив первоначально первые вопросы, договорились, что через час встречаемся на ужине в столовой и там, если возникнут ещё вопросы и пожелания – то обсудим и их.

В этом году, в 1980 ом, в Союзе произошёл большой неурожай картофеля и СССР сразу же закупил один миллион тонн картофеля в ГДР. Заплатили им золотом, как нам рассказывали, и немцы пообещали в быстром темпе перекинуть означенный объём в Союз. Но, когда они приступили к практическому исполнению, оказалось что это им не под силу. Вернее, они этот миллион перекинут, но уже тогда, когда он уже совсем не будет нужен. Вот немцы и обратились за помощью в Группу Советских войск в Германии, где в течение нескольких дней был разработан план и пути его выполнения.

Несколько десятков групп советских военнослужащих, численностью тридцать-сорок человек, расселяются по немецким сельскохозяйственным кооперативам, где затаривают днём картофель в мешки. Вечером за готовым грузом приезжает колонна немецких грузовиков с командой погрузки, грузятся и везут картофель на жд станцию, где он, картофель, перегружается в товарняки, которые гонят в морской порт. А оттуда морским транспортом «русский хлеб № 2» доставляют в Союз. Примерно такая схема, рассчитанная на три месяца работы. Одной из групп и был мой взвод в двадцать человек.

Обустроились мы хорошо, даже можно было сказать – прекрасно. А обильный и вкусный ужин предполагал жизнь в довольстве и сытости. Солдатам накрывали столы в общем зале, а мне в банкетном, небольшом и приятном помещении. На столе, помимо еды на двоих, красовалась бутылка качественной немецкой водки «Золотое зерно» на 0.7 литра.

Только сел за стол, как в зал зашёл Пауль, который и был вторым. На правах хозяина он открыл водку и разлил её по миниатюрным рюмочкам, среди русских называемые – «дупелёчками», всего по 25 грамм.

– Прозит... – мы чокнулись и выпили водку. Пауль слегка поморщился, а я весело ухмыльнулся про себя. Мы, русские, в том числе и я, посещая гаштетты, заказывали сразу по сто грамм водки и пиво. Тут же залпом выпивали, запивали пивом и требовали повторить. А немцы, вот с этими «дупелёчками» сидели часами, играя в карты, выпивая при этом всего пару рюмашек и бокал пива. Поэтому то мне и было смешно. Но зная уже хорошо немцев, прекрасно представлял – если я сейчас не выпью эти 0.7 литра, завтра на столе будет стоять 0.5 литра. Не справлюсь, послезавтра 0.25 литра и так далее.

Закусив, я вновь выслушал председателя кооператива и его соображения. Главное, чего он боялся – это не выполнение плана. Он всё твердил и заострял моё внимание на плане в 60 тонн в день...

Слава богу, его вызвали из-за стола на несколько минут, а за это время я щедро отлил грамм двести в тут же стоявшую кадку с пальмой и сам ещё в себя влил сто грамм водки. Вернувшись, Пауль удивлённо поднял брови, видя в бутылке чуть больше половины, а молодой русский прапорщик был лишь слегка захмелевший.

Выпили ещё и через пять минут Пауль опять вышел, а я ещё грамм 150 плесканул в несчастную пальму и 100 грамм в себя. Так что вечер и совместный ужин закончился хорошо. И мне только и оставалось проверить бойцов, лежащих в комнатах и с удовольствием переключавших каналы ГДРовского и бундес телевидения.

Первый день работы принёс разочарование. План мы не выполнили. И я поимел ряд неприятных упрёков от Циммермана. Я и сам был удивлён нашим провалом. Всё было просто и весь процесс механизирован. По полю идёт картофелекопалка и весь урожай ссыпает в кузов автомобиля или прицеп трактора. Те в свою очередь приезжают уже к комплексу, где и мы работаем на конечном результате. Сваливают собранный урожай в бункер, откуда тот механическим способом поступает на вибрирующие решётки, где с картошки отбивается налипшая земля, а потом на сортировку, тут картошка разделяется по размерам и рассыпается на несколько транспортёрных лент, которые проходят через следующий цех. Вот здесь уже сидят двадцать немков и вручную отбирают бракованные клубни и посторонний мусор, и уже очищенный картофель попадает в бункера развесочных машин. Три штуки, высотой в три метра, каждые тридцать секунд высыпаящие в подставленный мешок, который стоит на специальной тележке с резиновыми колёсами, ровно 50 килограмм. Нам остаётся только специальным приспособлением, одним движением затянуть проволокой горловину мешка. После чего отвезти на тележке мешок в огромное складское помещение, где его нужно поставить стоймя на пол. В визуальном виде, ежедневный план в 60 тонн – это слой мешков с картошкой по всей поверхности пола склада. А мы сумели накрыть только половину пола. Мне было неудобно, слушать упрёки председателя кооператива и оставалось лишь пообещать, что завтра мы обязательно выполним план.

Единственным положительным моментом была только водка, которую мне выставили на стол в обед. Но я уже был готов к этому щекотливому моменту. Циммерман выпил со мной первую рюмку и ушёл, а я тут же перелил водку в никелированную фляжку, оставив себе сто грамм. И когда Пауль в конце обеда зашёл, он только покрутил головой: водка была выпита вся, но русский прапорщик был в работоспособном состоянии.

Вечером построил взвод и предложил следующую альтернативу: – ...Выполняем план, хотя бы и в 2 часа дня – на этом работу заканчиваем. Можете спать, можете телевизор смотреть, я вас теребить не буду.

Воодушевлённые такой перспективой, бойцы на следующий день сделали план в 16 часов и я, исполняя своё слово, отпустил их в общагу. Циммерман был удовлетворён. Часа два солдаты лежали в кроватях и за час до ужина расползлись по деревне. Бойцов своих я знал досконально – кто и на что каждый способен, поэтому каких-либо эксцессов с их стороны не ожидал. Ну... ползаят по деревне, ну... может быть, чуть-чуть и выпьют... втихушку. Не более...

Но мне всё равно не нравилась эта праздность. Опыт подсказывал – через некоторое время такого безделья, в голову даже самого хорошего бойца придут фривольные мысли и он начнёт искать приключения, а у солдата в данном случае должна быть только одна мысль. Вернее две – что пожрать и как поспать. Насчёт пожрать, немцы обеспечили отсутствие данной мысли. А значит – поспать...

Вечером собрал уже комсомольское собрание. Помимо того, что я был командиром взвода в батаре, ещё был выбран и секретарём комсомольской организации.

И произнёс зажигательную речь, главный смысл которой сводился к следующему: – Парни, от своих слов насчёт плана и отдыха в случае выполнения я не отказываюсь. Но представьте, через три дня вы изучите эту деревню до последнего камушка и до последней щепки, а также знать всех молодых и сисястых девок. Выспитесь. А потом, что будете делать? Поэтому предлагаю следующее. А давайте удивим немцев тем, как умеют работать русские и как нужно работать... Покажем им «кузькину мать»..., – и так далее и тому подобное, а в ответ был единый азартный рёв.

– Покажеммммм..... Даёшь Днепро ГЭСсссс...

На следующий день мы сделали полтора плана и, довольный процессом, председатель кооператива укатил в командировку, вернувшись через трое суток, под конец рабочего дня.

... – Ну, как тут у вас, герр офицер, дела идут? – Спросил Циммерман, вылезая из машины.

– Нормально, план выполняем.

Успокоенный бодрым ответом, председатель не спеша вытащил из кармана сигареты, со вкусом закурил и мы вошли в складское помещение. От увиденного внутри рот немца непроизвольно открылся и сигарета, рассыпая обильный сноп искр, упала на бетонный пол, а Циммерман немо стал тыкать пальцем в мешки с картофелем, сразу забыв не только русский язык, но и родной немецкий.

Я непонимающе посмотрел на шесть слоёв мешков с картофелем, куда солдаты уже с трудом закидывали наполненные мешки.

– Не понял, господин Циммерман...?

– Это что такое? – Заполшно закричал немец, наконец-то вспомнив русский язык.

– Как что? – Я тупо смотрел на председателя и никак не мог врубиться, – Чего тот так разволновался? А тот чуть ли не бегом забежал в склад и возмущённо захлопал руками по мешкам.

– Вы меня обманываете... Говорите, что всё хорошо, а вы уже несколько дней не отправляете картофель... – дальше он вообще перешёл на немецкий язык, но теперь-то я его прекрасно понял. Он боялся доклада в центральный штаб и не знал, как объяснить задержку отгрузки картофеля.

– Господин Циммерман... господин Циммерман... – я никак не мог вклиниться в жалобные причитания и вопли, но когда тот на мгновение замолк, переводя дух и набирая новую порцию воздуха, сумел вставить свои слова и забеспокоился, так как он вообще перестал дышать и выкатил в изумлении глаза.

– Господин Циммерман, так я каждую ночь отправляю картошку, как и положено. А это результаты сегодняшней работы. Вот и накладные. И ещё вчера отзвонился, чтобы ещё больше машин сегодня ночью прислали.

Пауль Циммерман наконец-то выпустил из себя воздух и нормально задышал, но перебирая накладные, всё никак не мог поверить, что дела оказывается идут гораздо лучше, чем он даже мог желать. Успокоился он только, когда посоветовался со своим замом, который подтвердил мои слова и подлинность накладных и теперь извиняющее крутился вокруг меня, настойчиво предлагая пройти в банкетный зал. Благо до ужина оставалось около часа.

Выпили мы там уже по-настоящему, по-русски, но в этом больше упражнялся я. Хотя и Паулю досталось прилично и у нас даже хватило сил сходить и посмотреть, какая здоровенная колонна машин пришла грузить нашу картошку. Утром мне пришлось слегка полечиться, благо водки за эти дни заготовил до фига и больше. А Пауль на моё предложение выпить и поправить здоровье, аж руки в протестующем крике вытянул вперёд.

– Пауль, да ты что? Зато через двадцать минут будешь такой же весёлый и нормальный как я...

– Nein... nein... nein... – испуганно забормотал Циммерман и убежал от греха подальше, а я пошёл подгонять бойцов, потому что вчера, по пьяни, старшему немецкой колонны заказал машин на 8 дневных норм. Даже сам включился в процесс и бегал с тележками и картошкой как угорелый, но к вечеру восемь дневных планов было сделано.

День шёл за днём. Настороженность и натянутость, какие были в начале со стороны немцев пропали, и теперь они относились к нам очень хорошо, а я на дружеской почве сошёлся с председателем и мы теперь друг друга звали по именам. Несколько раз был в гостях у него дома и как-то, при очередном гостевании, я начал учить Пауля пить водку залпом. Если сто грамм он ещё, хоть и давясь выпивал, то больше уже нет. А я с досады взял и выпил 250ти граммовый стакан водки. Так Пауля чуть не вырвало только от одного такого процесса, а его жена едва не упала в обморок и всё потом суетилась около меня, ожидая что буду сейчас умирать от такого количества алкоголя.

Как это не странно, но Пауль ещё очень сблизился с моим солдатом Борей Анпиловым. Солдат был положительный и добросовестный. В один из пиковых дней сломался трактор «Беларусь» на разгрузке картофеля. Прибежали мастера с ремонтной бригады, бились над проблемой около часа, но не могли понять в чём дело. А Боря со стороны посмотрел на это и не только подсказал причину поломки, но и тут же её исправил, чем немало удивил уже опытных и дородных ремонтников. Всё это увидел и председатель кооператива. С моего разрешения он его забрал в ремонтную мастерскую и там он и остался до конца нашей работы ремонтировать технику. Пару раз, опять же с моего разрешения и великой просьбы Пауля, Боря садился за руль колёсного трактора и с удовольствием возил картошку с полей к нам, на сортировочный пункт. Анпилов был призван в армию с деревни, окончил восьмилетку и до армии работал в колхозе трактористом. Поэтому он так хорошо и разбирался в технике.

И мы тоже пахали на своём участке как черти – азартно и весело, удивляя немцев, непривычных к таким штурмам и к такому темпу. Немцы привыкли работать спокойно, размеренно и качественно. Были дисциплинированы и соблюдали все писанные и неписанные правила немецкой природы. Один раз наблюдал, как немцы ставили столбы освещения. Вот они собрались и стали его подымать. А в одиннадцать часов у них полдник на тридцать минут. А тут раз и 11:00. Работы то осталось на пять минут... Русские поднатужились и уложились бы в три минуты, но столб закончили ставить. Нет. Немцы опустили столб на землю, перекусили и после полдника вновь стали подымать столб.

Есть у них нормы. И если в норме написано для немецкого мужика 6 тонн нагрузки на день. Эти 6 тонн можно перенести за половину дня. Нет... Положено за день... и немец растянет эту работу на день.

И эту нашу работу немцы просчитали на три месяца, а мы сделали за двадцать четыре дня. Чем очень гордились.

За несколько дней до окончания работ и убытие в полк, ко мне подошёл озабоченный Циммерман.

– Борис, за такую ударную работу, какую вы показали нам, на правлении мы решили поощрить тебя и твоих солдат. Сколько денег выделить на тебя для премирования и сколько на каждого солдата? Анпилова я хочу поощрить отдельно...

– Ну..., – предложение было довольно неожиданное и о таком варианте даже не задумывался, поэтому задумчиво тянул и тянул, – нууууууу.....

Восприняв моё неопределённое мычание, как посыл к конкретике, Пауль сделал предложение: – Тебе, Борис, две тысячи марок. Как? А вот с солдатами мы не знаем...

– Нууууу..., – тональность моего мычания сразу же повысилась, а мысли лихорадочно заскакали.

– Чёрт побери... Две тысячи... Конечно отлично. Это ж практически «Волга». Ну, ладно не «Волга». Хотя... можно и «Волгу»...

Мигом и сразу вспомнился прошедший отпуск и заместитель моей матери высокий и представительный армянин. Он пришёл в один из вечеров к нам в гости, выставил на стол армянский коньяк, а когда выпили, он значительно постучал пальцем по столу и сказал: – Борис, когда ты пригонишь в следующий отпуск из Германии ГАЗ-24, я приду к тебе и выложу на этот стол пятнадцать тысяч рублей и молча заберу ключи от машины...

– Ммммм..., завлекательно. Но ведь если узнают в полку... Это ж будет задница. Меня ж будут полоскать на каждом совещании, а могут и под жопу дать.

Я ни как не мог решиться, а Пауль посчитав, что мало предлагают, назвал следующую цифру, ввергнув меня в ещё большее волнение: – Мало..? Так давай пять тысяч марок...

– Ууууу, ёб... тв..... ПЯТЬ ТЫСЯЧ МАРОК – это ж моё денежное содержание за семь месяцев... Блядь, ведь в полку потом скажут – Не по чину прапорщик взял... И заставят ещё отдавать. Это в лучшем случае... Блин, но ведь хочется... Как много можно чего будет купить на эти, надо сказать, честно заработанные деньги... Жену одеть как конфетку, самому одеться, подарков закупить близким. Эту сраную «Волгу» взять и заплатить за перегон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.